

**МЕСТЬ
ПОЖИРАЕТ ЗВЕЗДЫ**

Владислав Выставной
Месть пожирает звезды

«Автор»

2007

Выставной В. В.

Мечь пожирает звезды / В. В. Выставной — «Автор», 2007

Знаете, какая бывает любовь? Такая, что сметает все на своем пути, выжигает планеты и гасит звезды. Такая, идти к которой приходится по пояс в крови, когда плюешь на чужие жизни, на честь и совесть. Этот роман про великий и безжалостный эгоизм.

© Выставной В. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Иерихон. Пролог	5
1. Давным давно: встреча	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Выставной

Месть пожирает звезды

*Нам грустный мир приносит дня светило –
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идем, рассудим обо всем, что было.
Одних – прощенье, кара ждет других...
Вильям Шекспир. Ромео и Джульетта*

Иерихон. Пролог

Ствол самоходки был неправдоподобно длинный и чудовищно ржавый. Ржавый настолько, что от него отслаивались лохмотья, словно слезала кора с одряхлевшего дерева.

Все здесь было старое и ржавое. И остатки железных свай пирса, что когда-то пытался впиться в море корявым гвоздем, и торчащий вдалеке из-под воды продырявленный борт наполовину затонувшего танкера, и эта нелепая самоходка, что, по какому-то неясному порыву, решила окунуть свои замшелые гусеницы в соленые морские воды.

Море не принимало чуждое ему железо. Оно медленно, но с нескрываемой неприязнью грызло его и с отвращением сплевывало куски ржавых струпьев. Здесь, в теплых водах, под бесконечно ласковым солнцем, железу не было места...

Смуглому худощавому мальчишке, что ловко вскарабкался на шершавую броню, было плевать на ржавчину. Он был сух и легок, как тот песок, что носит южный ветер над днами.

Мальчишка, легко и ловко балансируя, прошел от башни по стволу, и его пестрые шорты трепыхались на ветру, как парус. На миг он завис над густой, словно лазурная краска, водой и, изогнувшись, раскинув руки в стороны – и прыгнул.

– Ие-ху! – звонко прозвучало в воздухе, прежде, чем раздался хлесткий всплеск.

Толстая чайка, сидевшая на откинутой крышке люка механика-водителя, тяжело оторвалась от рыжей поверхности и пошла вдоль берега, низко над водой, как старый усталый торпедоносец.

Мальчишка вынырнул, с удовольствием отфыркиваясь, от души колотя воду руками и ногами, и во всю глотку высоким голосом распевал старую солдатскую песню сомнительного содержания:

Морская пехота,
На берег охота!
Девчонкам работа:
Спасайте пехоту!

Агнесса сидела на песке, наблюдая за сорванцом в облаке брызг и пены, и тихо посмеивалась. Она-то хорошо знала эту песенку. Песенка, признаться, была еще та! Только вот откуда ее мог знать этот малец, которого и на свете-то не было, когда еще живы были те, кто мог бы ее спеть?...

Агнесса с удовольствием ловила лучи полуденного солнца. Она не боялась сгореть на солнцепеке. Здесь, в этом некогда роскошном курортном раю, никогда не сгорают. Таковы особенности местного солнца и целебной атмосферы планеты...

Мальчишка выпрыгнул из воды на берег, словно дельфин, решивший свести счеты с жизнью. Однако, в отличие от дельфина, он живо вскочил на задние конечности и бросился к

сложенной неподалеку одежде, косясь на Агнессу. Та подмигнула мальчонке, и парень тут же выпрямился и принял независимую позу – теперь он был настоящий десятилетний мачо, со знанием дела осматривающий подвернувшуюся красотку.

– Как вода, Трико? – поинтересовалась Агнесса.

– Газированная, – немедленно отозвался мальчишка и скривил противную мину, – С сиропом!

После чего схватил свои вещи и сразу же устоялся в поднятый карманный «тетрис». Так, не отрываясь от игры, он направился к полуразрушенному бетонному волнорезу, что, скромно торчал из воды неподалеку. Агнесса рассмеялась, и легкой походкой отправилась следом.

Она шла по выщербленному бетону, который был почти ровень с водой и редкие волны щекотали ее босые ноги – туфли она несла в руках. Это было приятно и удивительно – словно идешь по воде, как тот человек из святой книги...

Теперь она сидела на конце волнореза, свесив ноги в трепещущую воду. Рядом, совершенно не обращая на нее внимания, занимался собственными этот сорванец, одетый теперь по извечной южной моде – грязные брезентовые штаны и штопанная цветастая рубашка. Дела его состояли в перебирании и сортировке длинных металлических цилиндров, позеленевших от воды и старости. Он складывал их в замысловатые фигурки, пирамидки и стопочки, а, сложив, уверенным движением пальца разбивал и слушал дребезжащий звон, раскатывающийся по красному бетону.

Бетон здесь всегда был красный. Можно было считать это красивым. Можно даже гордиться – у нас, мол, в отличие от всех прочих в окрестных системах, бетон красный – яркий, красивый и радующий глаз! А еще можно было бы похвастаться сочно-бурым песком прибрежных дюн и охряной окраской пыли, что извечно и всенепременно висит над горизонтом – в любую погоду.

Но что – пыль, неприятная пронырливая и всепроникающая, норвящая с приходом северного ветра окрасить в цвета «хаки» дома, одежду, или, чего доброго – ужин? Всегда можно покинуть полупустые городские улицы, пройти через заброшенный грузовой терминал вдоль длинных складских зданий, в которых уже давно ничего не хранится, и выйти к старому причалу.

...И что страшного в том, что дорогу вдруг перегородит непонятно откуда выскочивший человек, одетый грязно и дико – в тяжелую брезентовую куртку, в разноцветные резиновые сапоги, нахлобучивший строительную каску с фонариком. Он будет, усиленно жестикулируя и морщась лицом, суетливо перебегать от одной стены к другой, припадать к земле и подползать к дороге, по которой идет Агнесса. Он сжимает в руках обрезок водопроводной трубы, как будто это какое-то оружие.

Он садится спиной к стене, ладонью поправляя каску, будто готовясь к атаке.

Агнесса приближается. Как обычно.

Человек выскакивает ей наперерез из-за стены и с угрожающим криком наставляет на нее трубу...

Агнесса останавливается, а с ней – и тот самый мальчишка, любитель прыжков в воду, стоит, не поднимая головы.

– Чико, я сдаюсь, сдаюсь... – говорит ему Агнесса, показывая поднятые на уровень плеч ладони.

Чико, неприятно, словно жуя собственный язык, мрачно бормочет, тыча пальцем в землю перед собой.

– Здесь не ходить! Я охраняю! Здесь не ходить! И здесь. И туда! Там!

– Хорошо, хорошо, – как всегда, спокойно говорит Агнесса, – Ты охраняй, а я пройду, не буду тебе мешать, охраняй.

И вдруг останавливается, будто озаренная внезапной мыслью.

– А ты можешь охранять ту вышку, например? – спрашивает она, и поднимает руку.

Чико озадаченно смотрит туда, куда указывает Агнесса. Невдалеке высится громадная старая башня космической связи, с клочьями проводов, с торчащей поперек антенной. На антенне ветер играет желтым флажком, так высоко, что невозможно представить – кто же его туда смог повесить.

– Нет! – говорит Чико. – Нет! Там злое место, я не пойду туда, там мне очень страшно. Там много призраков. А все призраки сумасшедшие.

Агнесса пожимает плечами и проходит, уводя за собой мальчика, аккуратно поднимая красную ленту, которой Чико перегородил улицу...

А над городом весело трепещет желтый флаг с маленькими звонкими бубенцами.

1. Давным давно: встреча

1

Сидя на броне патрульного транспортера, Энрико чувствовал себя так, словно восседал на троне. Он открыто курил запрещенную здесь «травку», весело поглядывая на проходящих мимо и улыбающихся ему девушек.

Еще бы не веселиться: чудную, теплую и веселую планету взяли шутя, почти без боя. Местная хунта оказалась гнилой и нежизнеспособной. Населению, казалось, было все равно, чья власть воцарилась в столице. Лишь бы не было неудобного комендантского часа, да перебоев с водой и электричеством.

Полковник Рамирос, опытный тактик и старый вояка, снова показал себя молодцом: с ходу оценив обстановку, он сразу же объявил, что комендантского часа не будет. Вместо него в городе объявлен праздник по случаю присоединения Сахарной Головы к великой, несущей свободу и мир всей Галактике Директории.

Нет, ну дадут же своей планете такое название – Сахарная Голова! Не зря, все-таки, говорят: как корабль назовешь... Вот и здесь, как по писаному – любят сладко есть и сладко спать. А воевать не любят. И правильно – не сладко это, ох, несладко...

Несколько озадачивало и омрачало веселые мысли недавнее бешеное и совершенно бессмысленное сопротивление маленького гарнизона сепаратистов, в котором звенья первого ударного эшелона положили кучу людей и не смогли взять ни одного пленного. Совершенно необъяснимое поведение, учитывая специфику планеты. Командование разрешило ситуацию решительно и крепко: сбросили на гарнизон термозаряд – и конец мученьям. Правда, такой исход, с одновременным уничтожением гарнизонных гражданских выглядел как-то... как проявление слабости и некоторой растерянности, что ли...

Но Энрико старался об этом не думать. Он думал о местных девушках с гладкими, покрытыми золотистым загаром ногами. И предстоящих вечером танцах.

Энрико любил государственные перевороты. Было в это что-то праздничное.

Так, бывает, текут серые будни, народ привычно ропщет на нестабильность, на диктат зажавшихся политиков, на инфляцию, подавление свободы слова и попрание традиционных ценностей. Но вот группа отчаянных смельчаков – конечно же, военных – совершает стремительный бросок на столицу и захватывает государственные учреждения, коммуникации, банки и средства массовой информации. Народ слышит радостную весть: набившее оскомину безвольное правительство свергнуто, и в стране будет, наконец, наведен порядок.

Серые будни забыты, от грядущих перспектив захватывает дух. Народ выходит на улицу и радостно приветствует освободителей.

Ну, и, конечно же, устраивает по этому поводу неизменный карнавал, сопровождаемый фейерверком и прочими излюбленными народом развлечениями.

Переворот – это здорово! Это – как глоток чистого воздуха, как обновление крови, как пришествие весны...

Ну, конечно же, не обходится без издержек.

Потому, что частые перевороты изматывают нацию, подрывают экономику и разваливают старую добрую Конфедерацию.

Именно поэтому Энрико и его товарищи сейчас здесь, а не на собственной базе, что расположилась на ставшем уже родным Центурионе.

Они пришли положить конец переворотам. Теперь каждая планета или ее часть, имеет право только на одну-единственную насильственную смену власти: в пользу Директории.

...Энрико был совсем маленьким, когда все началось. Когда государственные перевороты и революции снова вошли в моду, а от Конфедерации, одна за другой, стали откалываться планеты, а затем – целые системы.

Умные люди – конечно же, это были военные – быстро осознали угрозу. Существующая века система миров, развалившись, грозила утянуть разрозненное человечество в пучину варварства.

Энрико жил тогда на Торреоне, в таком бедном районе, что не имел даже права на собственную фамилию. (Потом, за военные заслуги, он получил это престижное дополнение к имени, но так до сих пор его и не смог толком запомнить).

Но и сейчас, по прошествии многих лет, он ясно помнил собственные ощущения, когда в кинохронике, что проецировали на обшарпанную стену топливного склада, впервые увидел Железного Капрала.

Что именно тот говорил, начисто стерлось из памяти. Остались только яркие, как детский сон, ощущения: воли, решимости и – надежды.

Надежды Энрико более, чем оправдались. Его взяли в армию, едва он пришел на призывной пункт. Не посмотрели даже на то, что он скрыл истинный возраст и приписал к собственной биографии лишний год. Более того, из «учебки» его вскоре перевели в элитную штурмовую бригаду «Лос-Командорс». А еще говорят – чудес не бывает! Спасибо родителям, которых он почти не знал – генофонд ему привили – что надо!

Теперь не нужно было воровать и торчать в очередях за случайными заработками. Теперь все знакомые завидовали ему, а равнодушные прежде девушки разом обратили к нему свои горящие взоры.

Впрочем, старые знакомые быстро позабылись, оставшись на Торреоне, а девушек хватало и на других планетах. Домой он больше не возвращался.

У солдат Директории было много дел.

Потому что Конфедерация продолжала разваливаться, а Директория, со смиренным усердием, один за другим подбирала отвалившиеся от целого и брошенные в пучину хаоса миры, одновременно наводя на них порядок.

Вот и в этом мире тоже предстояло начистить все до блеска. Хотя с виду и не скажешь, что зараженная проказой сепаратизма планета выглядела уж как-то слишком неблагополучно...

Впрочем, Железный Капрал знает, что делает, когда посылает в пекло своих ребят. Говоря по совести, он уже давно мог короноваться в императоры, и вся армия, как один человек, возликовала бы по этому поводу. Но титулы для него – ничто. Говорят, нет более скромного и непритязательного в быту человека, чем Старик. Наш Старик, как ласково именуют его бойцы...

На широкой площади был развернут большой и яркий цирковой шатер, в котором для доблестных солдат обещалось сегодня бесплатное представление с выпивкой и стриптизом.

Над шатром на тонком шесте реял веселый желтый флаг со звенящими на ветру бубенцами. Было в этом флаге что-то вызывающее улыбку и наводящее на благостные, совсем мирные мысли.

Здорово, все-таки, быть молодым и красивым сержантом ударной группировки! Правда, это хорошо только в том случае, если ты – сержант победившей стороны.

А поскольку Энрико принадлежал сейчас именно к этой стороне, то был намерен снять все сливки с возникшего приятного положения.

Он легко спрыгнул со сверкающей, парадно надраенной брони и, насвистывая, слегка пританцовывающей походкой направился в сторону шатра, вокруг которого шумел оперативно развернутый местными властями парк развлечений.

Он купил было себе титанического размера мороженое, с рукояткой, как у противотанковой гранаты, но толстый усатый продавец не взял с него денег, сказав, что угощает доблестного сержанта Директории. Энрико оценил жест торговца и даже полушутя козырнул ему в знак благодарности.

Неподалеку от мороженщика под визжащим на все голоса «чертовым колесом» рядами стояли сверкающие веселыми огоньками игровые автоматы. Далеко не на всех планетах они были разрешены, а потому азартных бойцов набилось вокруг предостаточно. Здесь же легко расставались с премиальными и его друзья-бандиты – сержанты Рафаэль и Хосе.

– Здорово, прожигатели жизни! – весело крикнул Энрико, от души хлопнув приятелей по крепким плечам, – Решили поддержать экономику бедной планеты?

– Скорее, чей-то пузатый карман, – отозвался Рафаэль, не отрываясь от игры, – Черт! Этот автомат однозначно неисправен! Проклятье! Если он сожрет еще хоть один кредит – я расстреляю его, как изменника и сепаратиста!

– Ба, Энрико, – принялся Хосе, – Да от тебя за версту разит мецкальным зельем! А если на патруль наскочишь?

– Плевать! – отмахнулся Энрико, – Отосплюсь на гауптвахте. Ну, так как, братцы-головорезы, пойдем на танцы? Сегодня обещали горячую салсу! Как вам местные девчонки?

Лицо Хосе сделалось слащаво-приторным. Он смачно цокнул языком:

– Выше всех и всяческих похвал! Это просто рай какой-то! Хорошо, что мы присоединили эту планетку. Теперь я сюда буду каждый выходной в увольнения мотаться. Ну, или в отпуск...

– Если у нас будет столько же работы, как за последние полгода, отпусков нам еще долго не видать... – заявил Рафаэль.

И в ту же секунду автомат залился торжественными трелями, а в лоток с веселым звоном посыпались тяжелые серебряные монеты.

– А! Есть! Есть! – восторженно заорали друзья.

– О боже, мы богаты! – кривлялся Хосе, выхватывая из-под носа Рафаэля пригоршни монет, и обсыпался ими, изображая свихнувшегося золотоискателя.

... Нагрузившись охапками пивных банок, они шумно, горланя бодрые песни, бродили по праздничному парку, а от них испуганно шарахались во все стороны местные жители. Еще бы – черт его знает, чего можно ожидать от вражеских солдат, которые искренне считали, что по древнему обычаю захваченный город три дня безраздельно принадлежит им.

– А у меня идея! – воскликнул Хосе, – Давайте нагрузимся пивом и залезем на это «чертово колесо». И будем крутиться до тех пор, пока не кого-то не вынесут на руках...

– Первым вынесут меня, я уверен, – хмыкнул Энрико.

– Да уж точно, – рассмеялся Рафаэль. – Тебе не привыкать. Никогда не забуду, как тащил твою обгорелую тушку из той мясорубки на Тинанусе! А ты был тяжелый, как бревно и все делал вид, что без сознания...

Энрико схватил Рафаэля за плечо и от души чокнулся с ним пивом. Банки издали жестяной звук и обдали приятелей пеной.

– Я всегда помню, что обязан тебе жизнью брат! – проникновенно воскликнул Энрико. – Мы все с вами – братья по крови...

– А давайте возьмем штурмом этот цветастый бункер! – воскликнул Хосе, указывая на цирковой шатер. – Там, небось, наши стриптизерши скучают – ждут – не дождутся настоящих героев...

...Друзья в обнимку с грохотом вломились в раскрашенные брезентовые двери балагана.

Их встретил испуганный сторож в странном бардовом фраке и дурацком цилиндре.

– Сюда пока нельзя, господа! – сказал он, замахав руками. – Пожалуйста, приходите вечером. Вечером – милости просим, все будет к вашим услугам. А сейчас, я очень прошу, господа...

– Да я в танке горел! – пьяно прорычал Рафаэль, норовя разорвать на себе форменную куртку.

– Дружище, это наш майор в танке горел, – заплетающимся голосом заявил Хосе, – А ты только пулю в булку получил однажды от подлых сепаратов. Но ты все равно должен гордиться – ведь и это подвиг! Тебе даже медаль дали...

– Не могу же я хвастаться шрамом на заднице! Что же, штаны героически перед всеми снимать?! – развел руками Рафаэль, отчего потерял равновесие и схватился за полотнище, заменяющее шатру створки ворот.

То не замедлило с треском порваться, и Рафаэль грохнулся оземь.

Друзья раскатисто расхохотались. Ржал и Рафаэль в тщетных попытках подняться на ноги. Банки с пивом рассыпались по полу. Само пиво с шипением разбежалось, лизнув пыльный полог шатра.

На шум из глубины шатра выскочило несколько служителей в нарядной цирковой форме. Энрико с удивлением понял, что это – дети. Или не совсем дети?...

«Наверное, лилипуты» – решил он.

Служители, не выражая особых эмоций, посмотрели на сторожа. Тот развел руками:

– Господа случайно зашли. Сейчас уйдут развлекаться дальше. Верно ведь, господа?...

Сторож говорил с надеждой в голосе. Служители стояли молча, видимо, ждали, чем дело кончится.

Откуда-то сбоку появились невысокий толстый человек с настороженным взглядом и худенькая девушка в легком платье.

...И тут с Энрико приключилось нечто, чего с ним еще не бывало за небольшую, но довольно насыщенную событиями жизнь.

От одного взгляда на эту девушку Энрико одновременно и протрезвел, и впал в ступор.

...Ее не избрали бы королевой на конкурсе красоты, хотя была она довольно смазливой и имела неплохую фигуру. Просто лицо ее и тело излучало не ту томную, ленивую силу эроса, которая обычно является определяющей для похотливого жюри, а какую-то таинственную и слегка дикую энергетику, что, скорее, может напугать своей темной непонятностью...

Что-то пугающее и одновременно притягательное было в этой девчонке, то, что включило в голову Энрико скрытую раньше от него самого программу. И стало это новое ощущение для молодого сержанта настоящим сюрпризом.

Он собрал в кулак волю и улыбнулся ей – лучезарно и обаятельно, той самой улыбкой, которой он сходу сбивал с ног самых капризных красоток:

– Прошу прощения, сеньорита! Одну секунду, господа! Еще раз простите за внезапное вторжение! Мои друзья просто перепутали дверь и сейчас с радостью десантируются на улицу...

Ловко, почти театральными движениями он схватил в охапку недоумевающих друзей и буквально вышвырнул их из полумрака циркового «фойе» под веселое светило Сахарной Головы.

– Ты чего творишь, салага! – сопротивлялся Рафаэль, пытаясь самостоятельно удержать равновесие.

– Старик, ты, что, сбрендил? – как одержимый хохотал Хосе, не забывая вовремя подхватывать шатающегося Рафаэля.

– Так надо, друзья! – громко прошептал Энрико, – Вы гуляйте, а я вернусь обратно. Мне надо кое с кем пообщаться...

– А-а! – радостно поднял указательный палец Хосе, – Я тоже заметил эту цирковую милашку! Она, наверное, страстная! Они, циркачки, говорят, такое могут...

– Давайте, давайте отсюда... – подтолкнул друзей Энрико и, переведя дух, сдержанным шагом вошел обратно в шатер.

И сразу же столкнулся лицом к лицу с девушкой. Видимо она выходила на улицу, взглянуть – что происходит с этими неожиданными пьяными визитерами.

Энрико стоял, как столб, будто на плацу во время присяги, впервые не зная, что сказать девушке. Это было странное ощущение. Странное и дурацкое.

– Э... – пробормотал он, – Я только хотел спросить...

Энрико еще не придумал, о чем же он хотел спросить эту девушку. Он почувствовал, что краснеет. Он замялся, как школьник на первом свидании. Казалось, из ушей сейчас пойдет пар.

Девушка удивленно посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Неудивительно: бравый сержант оккупационных сил вел себя, как полнейший осел.

Но тут их взгляды встретились. И, видимо, случилось то, что теперь происходит очень редко в нашей галактике: его программа через радужную оболочку глаз послала пароль прямо в глубину ее взгляда – и чудо! Пароль оказался верным!

В душе девушки тоже произошло что-то новое...

Они смотрели друг на друга секунду. Но секунда эта казалась обоим годами.

Энрико пришел в себя первым. И сказал:

– Разрешите представиться: сержант Энрико... черт... фамилию забыл.

– Как это? – слегка удивившись, тихонько спросила девушка, – Разве можно забыть свою фамилию?

– Мне стыдно говорить об этом, но да... Она у меня не так давно. Никак не привыкну. Понимаете, на моей планете...

Энрико оживился. Хорошо от природы подвешенный язык, снова заработал четко, как станковый пулемет, будто с него сошла зубодробящая «заморозка». Он говорил и говорил, а девушка стояла рядом, слегка опустив голову, и смотрела мимо. Казалось, она не слушает его. Ее взгляд стал задумчивым, на лицо, казалось, упала легкая тень...

Но почему-то она не останавливала его и не уходила.

Чувствуя, что инициатива ускользает из рук, Энрико сам оборвал свой монолог словами:

– А можно вас попросить показать мне город? Я ведь не местный, и тут ничего не знаю...

И осекся. Это могло звучать оскорбительно из уст захватчика. Но девушка, ничуть не смутившись, ответила:

– По правде говоря, я и сама не очень хорошо знаю этот город. Я вообще не с этой планеты. Наш цирк постоянно кочует по мирам в поисках зрителей...

И неожиданно добавила:

– Хотя... Давайте. Я покажу вам все, что успела узнать сама.

В душе Энрико лихо зазвенели трубы полкового оркестра. Но, как настоящий специалист в своем деле, он лишь сдержанно и благодарно улыбнулся.

Девушка бросила взгляд в сторону. Оказывается, все это время тот толстый человек стоял рядом, наблюдая за разговором. Энрико мысленно обругал себя: нельзя же так терять бдительность. Пока что все, что есть вокруг – это все еще территория противника, пусть даже надежно оккупированная.

Человек поймал взгляд девушки и неопределенно дернул плечом, будто говоря ей «поступай, как знаешь».

«Родственник, что ли? – мелькнуло в голове Энрико, – Не очень-то похоже...»

Девушка повернулась к Энрико и посмотрела ему прямо в глаза:

– Ну, что, пойдём?

Уже на улице Энрико понял, что так и не спросил ее имени. И при этом умудрился так быстро закадрить! Хо-хо! Или ему только казалось, что закадрил?

– Меня зовут Агнесса, – неожиданно сама представилась девушка и взглянула на Энрико, словно ожидая его реакции.

– Здорово! – довольно глупо воскликнул Энрико.

Но чудо уже произошло: между ними началось то непередаваемо легкое общение, какое возможно только между очень старыми и близкими друзьями. Когда не подбираешь специально слова и не думаешь, какую реакцию вызовут они у собеседника. Когда не боишься выглядеть смешным и говорить глупости.

Они гуляли по праздничному городу, и Энрике иногда забывал даже отдавать честь встречным офицерам. Впрочем, многие из офицеров тоже прогуливались не в одиночестве, а потому понимающе ухмылялись, глядя на эту, увлеченную только друг другом парочку.

Энрико всюду размахивал руками, в ярких красках описывая собственную жизнь и, при том, стараясь избегать скользких моментов, связанных с войной. Агнесса оказалась благодарным слушателем – она от души смеялась, где было смешно, грустила, где было не очень, и задавала вопросы, еще больше раззадоривая Энрико.

О себе же рассказывала скромно. Оказалось, что она – вовсе не артистка цирка, не какая-нибудь акробатка и даже не танцовщица и стриптизерша. Она была кем-то вроде менеджера, помощника управляющего, чем очень удивила Энрико. Ему казалось, что такая удивительная девчонка просто не может заниматься скучной канцелярской работой. Ей, как минимум, следует укрощать тигров. А лучше – танцевать в свете цветных прожекторов...

...Они гуляли до вечера, и только когда совершенно стемнело, Энрико вдруг осенило:

– Ой, совсм забыл! А ведь сейчас в вашем цирке начнется выступление! Там соберутся все наши! Народу набьется – мама не горюй! Небось, весело будет! Пойдем?

Девушку как будто кипятком ошпарило. Она схватила его за руку, и пальцы у нее оказались цепкими и холодными. Она заглянула ему в глаза и сказала:

– Ну, зачем нам туда? Лучше пойдем, я покажу тебе реку! Здесь очень красивая набережная...

Энрико удивился, и легкая тревога пронеслась в его душе, тут же разбившись о ее удивительный взгляд.

– А, верно! – усмехнулся он и взял ее за руку, – Зачем нам этот цирк? Что я, стриптиза не видел, что ли?

И они пошли на набережную...

Они сидели, глядя на освещенную фонарями воду, и смотрели на звезды.

– Да... – задумчиво сказал Энрико, – Как же их много, этих звезд... И возле них живут люди. Люди, как люди – но почему некоторым вдруг хочется взять, да и отколоться от остального человечества? Вроде, как будто, они особенные! Неужели это так приятно – вертеть дулей перед носом у остальных? И не хотят ведь понимать, что они – всего лишь часть целого и великого! А нам потом разбирайся, что почем...

– А целое и великое – это, конечно, Директория? – неожиданно резко поинтересовалась Агнесса, – Почему вы думаете, что все хотят жить так, как принято в вашей казарме?

Энрико несколько опешил. Он не ожидал от Агнессы таких провокационных речей.

– Ну... Ну, почему сразу – как в казарме? Не все ведь в Директории военные... Да и чего плохого в казарме? Мне, например, очень даже нравится... Мы все вместе, мы – настоящие друзья, мы понимаем друг друга с полуслова и у нас – одна цель...

– Вот-вот, – довольно мрачно сказала Агнесса, – Одна... А населенных планет – сотни. И людей на них – миллиарды. И цели у всех – самые разные и непохожие...

Энрико недоумевал: неужели эта девушка не боится говорить такие крамольные вещи солдату Директории? Или она настолько доверяет ему? Но откуда у нее такие мысли?..

– Знаешь, – решительно сказал Энрико, – Я считаю, что ты не права. Потому что...

И тут пискнуло пристегнутое к воротнику переговорное устройство:

– Тревога! Всем срочно прибыть по местам расположения! Повторяю: тревога! Всем немедленно прибыть по местам расположения!

– Что-то случилось, – пробормотал Энрико, – Агнесса, пошли со мной...

– Нет, – бесцветно сказала она, – Я не могу...

– Я не брошу тебя здесь одну! Возможно, это нападение сепаратистов!

– Нет, – твердо сказала Агнесса, и они снова встретились взглядами, – Я останусь.

Казалось, от потоков невидимой энергии расплавятся зрачки. Агнесса отвела взгляд и бросила:

– Иди, тебя ждут!

– Черт! – в сердцах воскликнул Энрико, – Черт! Как все некстати! Ладно, я завтра тебя найду... Там же. Договорились?

– Тревога! – орала рация, – Общий сбор!

– Так я найду?!

Агнесса молча кивнула.

Энрико развернулся и побежал в сторону центра, одновременно крича в переговорное устройство:

– Кен! Подбери меня, живо! Я у фонтанов, на набережной! Да, большой такой каскад со статуями...

– Внимание! – раздавался в наушнике голос майора, – Соблюдать осторожность! Они могли оставить засаду...

Сжимая рукоять автомата, вместе с другими настороженными, готовыми к любой неожиданности, бойцами, Энрико подходил к тому, что еще вчера было веселым и легкомысленным цирковым балаганом. Сегодня это яркое полотняное здание выглядело жуткой и дико циничной насмешкой неведомого коварного шутника.

Только вот веселого желтого флага с бубенцами над конусом шатра теперь не было.

Он знал, что должен был увидеть, ему сказали. Но все равно, картина оказалась куда страшнее любых предположений.

Здесь были они все – восемьсот с лишним бойцов и командиров ударной группировки штурмовой бригады «Лос-Командорс», чьими в основном руками так легко и празднично была взята и присоединена к Директории эта, казалось, такая легкомысленная планета. Все – вместе с легендарным полковником Рамиросом, узнать которого можно было теперь только по забрызганным кровью наградным планками.

Они были расстреляны, как дети, прямо на своих местах, откуда хотели посмотреть на обещанное шоу и голых красоток. У многих на коленях остался рассыпанный поп-корн, картонные стаканчики из-под пива и колы вперемешку с запекшейся кровью.

Это было просто невероятно – никто из них не пытался оказать сопротивления, никто не вскочил со своего места, никто не попытался спрятаться. И это притом, что все до единого здесь – опытные и тренированные бойцы, которые при одном виде оружия моментально становятся хладнокровными машинами убийства с компьютером в голове и реакциями хищника.

Очень, очень странно...

Энрико стоял на посыпанной песком арене, словно собирался выступать с цирковыми номерами перед этими страшными мертвыми зрителями. Прямо на него смотрело дико улыбающееся лицо, украшенное огромной дырой во лбу – словно убитый так до сих пор и не понял, что его не развлекают, а именно убивают...

– Рафаэль... – дрогнувшим голосом произнес Энрико, – Хосе...

Его лучшие друзья сидели в первом ряду в нелепых позах, и рука Хосе сжимала смятую судорожно сведенными пальцами пивную банку...

Энрико стало не по себе и он, тяжело дыша, выскочил на воздух.

– Черт! Черт! – повторял он, – Как же так? Почему?..

И тут он заметил на другом конце площади знакомый силуэт.

– Агнесса? – прошептал он.

Девушка отчаянно махала ему рукой, звала его.

Энрико оглянулся на шатер, к которому сбегались вооруженные солдаты. Быстро организовывалось оцепление, во внутрь забегали саперы, медики и военные следователи.

– Я быстро... – сказал он сам себе и бросился к Агнессе.

– Сержант, ты куда?! – голосом майора рывкнуло переговорное устройство, – Сержант! Назад, на место!

Энрико не среагировал на приказ. Он бежал мимо несущихся на встречу бронетранспортеров и черных машин контрразведки к краю площади, где ждала его та, что одним появлением могла заставить наплевать на любой приказ.

У края площади он остановился. Что за напасть? Девушки не было!

– Агнесса! – крикнул он, – Ты где?

Энрико в недоумении провел рукой в защитной перчатке по мокрому лбу. Неужто, у него начались галлюцинации?

Для очистки совести он забежал в ближайший проулок...

И тут грохнуло.

Энрико показалось, что его с размаху ударили о землю и сразу же облили кипятком, чтобы усилить эффект. Сверху посыпались куски крыши, кирпичи, мусор. Тяжелый обломок шарахнул по затылку – спасла каска. Стараясь не дышать, Энрико отполз к стене и нырнул в какую-то дверь. Снаружи, казалось, горел сам воздух.

«Темозаряд. Тройной», – машинально отметил он.

Наконец, буря на улице улеглась. Энрико, шатаясь, вышел из проулка. Легкие сводило от горячего, почти лишённого кислорода и наполненного пеплом воздуха, невозможно было остановить кашель.

Тот, кто убил его друзей, поставил в своем грязном деле жирную точку: на месте площади, балагана и парка развлечений теперь было поле легкого, как пыль, пепла. Только хрупкие, как стекло, остовы бронетранспортеров нарушали эту спокойную пепельную гладь, да поднималось к небу дрожащее горячее марево...

Ударного звена штурмовой бригады «Лос-Командорс» больше не существовало.

2

В кабинете для допросов было душно, да еще и дико накурено. Правда, не в положении Энрико было предъявлять претензии к комфорту. То, что его допрашивал сам полковник Аугусто – начальник контрразведки корпуса – не сулило ничего хорошего. Этот полковник был сущим дьяволом: он видел людей насквозь и в каждом находил какие-то грешки. А любого, даже самого мелкого из этих грешков для Аугусто было достаточно, чтобы поставить человека к стенке. По его мнению это было универсальным решением всех проблем. Действительно: зачем мучить себя сомнениями и подозрениями? Нет человека – нет проблемы. Но вначале надо по максимуму вытянуть из того информацию.

– Ну, что, сержант, – выпустив струю дыма из узкогубого рта, произнес полковник, – Хочется тебя, все-таки выслушать по поводу всей этой неприятной истории...

– И что же вы хотите от меня услышать, мой полковник? – Энрико до конца старался держаться независимо и гордо.

Ведь он не был ни в чем виноват. Ведь так?

Самое страшное, что он сам уже не был уверен в собственной невинности. К подушечкам его пальцев пластырем были примотаны электроды штабного «полиграфа». Техник с ухмылкой пялился в монитор, разглядывая ломаные графики страхов и неуверенности Энрико. Для него этот сержант был, как на ладони – глупый младенец, с начисто содранной кожей и оголенными нервами.

– ...Как же так получилось, – медленно вопрошал полковник, – что вы, сержант, остались единственным живым свидетелем этой странной, повторяю – очень странной – диверсии?

– Господин полковник, я все уже подробно изложил дознавателям, твердо сказал Энрико, – Мне нечего больше добавить...

– Врет, – удовлетворенно констатировал техник, – Что-то он не договаривает...

– Что же вы скрываете от нас, сержант? – задумчиво поинтересовался контрразведчик и открыл золотой портсигар.

«В таком роскошном портсигаре – и такие дрянные сигареты...» – почему-то подумалось Энрико.

– Он раздражен, – сказал техник.

– Это я и так вижу, – произнес полковник, – Вы бы поумерили свою гордыню, сержант. Тем более, что вы уже не сержант штурмовой бригады «Лос-Командорс», чем, конечно же, следовало в свое время гордиться... М-да...

– Меня что, разжаловали? – поник Энрико. Странно, что в такой момент его все еще интересовало собственное доброе имя.

– Вовсе нет. Дело в том, что вашей бригады попросту больше не существует. Ее расформировали.

– Как?! – поразился Энрико, – Это же гордость ударных сил Директории...

– Какая к черту, гордость?! – заорал полковник, подавшись вперед, и в лицо допрашиваемому полетели брызги слюны. – Это самый страшный позор! Небывалый позор! Как если бы вашу бригаду просто поимели во сне красноносые клоуны!

Краска бросилась в лицо Энрико. Он сжал кулаки.

– Не кипятись, сержант, – сказал вдруг совершенно спокойным голосом полковник, – Это Старик приказал. Очень уж расстроился он.

Энрико остолбенел. Ну, если сам Железный Капрал приказал. Тут даже думать больше не о чем. Только вот душу наполнила какая-то пронзительная леденящая пустота...

– Итак, сержант, давайте рассмотрим следующие обстоятельства, – продолжил Аугусто, барабанив пальцами по толстой папке, лежащей на столе перед ним. – Вначале вы самым счастливым образом избегаете смерти в этом чертовом цирке. А ведь вы должны были быть там, вместе с лучшими своими друзьями. Как их...

Полковник раскрыл папку.

– Вот: Хосе и Рафаэль. Ну, просто не разлей вода, какие друзья-товарищи! Данные статистики показывают, что за последний год ни разу, повторяю – ни разу – вы не присутствовали на совместных армейских вечеринках порознь. То есть, всегда – только втроем. Либо втроем же и игнорировали подобные мероприятия. Странно, что именно в этот день стройный статистический ряд был нарушен, не правда ли?

«Вот это да! – поразился Энрико. – Неужели у чертовой контрразведки и такая статистика есть? Это что же получается – тотальная ежедневная слежка?!»

– Далее. Ну, допустим, это случайность. В конце-концов, и не такие случайности бывают в армейской практике. Настораживает другое: вот запись радиопереговоров вашей группировки за минуту до взрыва. Ваш командир возмущен тем, что вы покидаете район расследования. Более того – вы игнорируете приказ остановиться! Вы даже не отвечаете командиру! Хотя переговорное устройство у вас в порядке – мы проверили. И вы убегаете! Именно в

этот момент. Зачем? Чтобы спасти собственную шкуру? Отвечайте – вы знали о готовящемся взрыве?!

Линии на мониторе «полиграфа» прыгали, как безумные. Энрико задыхался от собственного бессилия.

Он не мог... Он не хотел впутывать в эту грязь Агнессу...

Да пусть все летит к чертям! Пусть его расстреляют к такой-то матери. Ничего он про нее не скажет...

Техник молча передал полковнику листок распечатки.

Аугусто, просматривая его, едва заметно улыбнулся...

– Ну, да, ну, да. Я так и думал. Здесь, конечно же, замешана дама. Ладно, раз уж вы молчите, сержант, я сам вам все расскажу.

Конечно же, вы никакой не предатель. Вы просто доверчивый идиот в звании сержанта, что в данной ситуации, учитывая наступившие последствия, в общем-то, одно и то же.

Наблюдатели показали, что видели вас, сержант, в компании одной юной особы, а именно – сотрудницы печально известного развлекательного учреждения. Именно она уберегла вас от гибели, задержав где-то допоздна и не позволив вам присутствовать при массовом расстреле ваших товарищей. Спрашивается – зачем? Зачем ей понадобилась ваша жизнь?

То, что она являлась участником диверсионной группы и знала о предстоящей акции, не вызывает сомнения. Иначе она не смогла бы настолько бесследно исчезнуть вместе с остальными «циркачами».

Поэтому она, несомненно, использовала вас. Но каким образом? Вы будете отвечать, или применим форсированные методы?..

...Энрико уже не слышал полковника. В его голове звенели страшные слова – «она использовала меня, просто использовала...» Сердце бешено забилося.

– Нет... – прошептал Энрико, – нет...

– Что – нет?

Энрико не ответил. В его душе зарождались страшные процессы. Только теперь он осознал, что влюбился в эту совершенно незнакомую ему Агнессу, как полнейший кретин. И слова полковника не только не разрушили любовь – они только усилили чувство невероятной тоски и безнадежности. Одновременно там же, в сердце, зарождались крупницы глупости, лютой ненависти...

Полковник посмотрел на техника. Тот отрицательно покачал головой. Полковник удивленно хмыкнул и встал. Он подошел к монитору, взглянул на показатели, потом на бледного и перекошенного Энрико.

– Ладно, сержант, – сказал он, – Я не буду применять к тебе форсированные методы...

Полковник прошелся по кабинету, раскрыл портсигар, снова закрыл. И небрежно, через плечо, бросил:

– Тебя просто расстреляют. По самому обыкновенному заочному приговору военного полевого суда.

Никакого суда не было.

Энрико просто вывели во двор экзекуторской, где ждала комиссия из трех офицеров, включая полковника Аугусто, и взвод пехотинцев из похоронной команды.

Обрюзгший фельдфебель нудно зачитал приговор, в котором промелькнули слова «преступное разгильдяйство», «самоуправство», «предательское отношение к долгу» и тому подобное.

Энрико смотрел на веселое голубое небо Сахарной Головы, видимое отсюда, словно со дна высохшего грязного колодца. Ему казалось, что все это происходит не с ним.

– На изготовку! – скомандовал брат-сержант.

Коротко и страшно лязгнули затворы.

– По врагу Директории, – протянул сержант, – огонь!

Где-то далеко раздалась раскаты грома. Тело отбросило мощным ударом, брызнула во все стороны кровь. Энрико упал.

Последним его чувством – кроме резкой боли – было удивление.

3

Роджер сидел перед крепким, почти квадратным в своей могучести капитаном. И буквально любовался им.

Капитан был что надо: стальной взгляд, казалось, мог прошить метровую броню. В сочетании со сдержанной полуулыбкой взгляд этот давал мощный эффект. Усиливался он еще и множеством мелких шрамов, которые отнюдь не уродовали лицо, а, напротив, намекали на смелость и бескомпромиссность характера. А необычный, немного фиолетовый загар свидетельствовал о том, что побывать капитану довелось на таких планетах, о которых даже и не слыхивали в славной памяти штурмовой бригаде «Лос-Командорс».

– Ну, что, воскресший из мертвых, – усмехнулся капитан, – пора отмечать внеочередной день рожденья! Хотя твой второй день рожденья будет указан в твоём новом военном билете в качестве единственного. Надеюсь, ты понимаешь, что всей твоей прежней жизни больше не существует?

– Да, – ответил Роджер, – Я даже не узнаю себя в зеркале...

– Ну, технология изменения внешности и других биометрических показателей у нас отработана. Главное – как Библию, выучи свою новую биографию и выбрось из памяти пржнюю фамилию...

– Последнее будет проще простого, – усмехнулся Роджер, – Как-то она и не прижилась у меня...

– Вот и замечательно. Я, брат, знаешь ли, считаю, что расстреливать таких молодцов, как ты – это само по себе преступление перед Директорией. И вообще – неразумный расход человеческого материала. Тем более, что у контрразведки свои методы проверки людей, а у оперативной разведки – свои. И по нашим представлениям – ты чист, как младенец. Хотя и нуждаешься в определенной психологической обработке – чтобы подобные казусы с тобой больше никогда не повторялись. Зачем нам расстреливать тебя еще раз?

– Они и не повторятся, – мрачно сказал Роджер, – Я не люблю, когда меня расстреливают.

– Я знаю, что не повторятся, – кивнул капитан, – Ну, а раз так – тогда ты принят в наш веселый цех. У нас и правда весело – для тех, кто знает толк в подобных развлечениях. Только ты должен уяснить для себя: развлечения эти могут иметь смертельные последствия. Впрочем, то, что психологи дали на тебя «добро» говорит само за себя.

– Когда мне дадут первое задание? – поинтересовался Роджер. Он чувствовал, что засиделся в больничной тишине.

Капитан тихо рассмеялся, и Роджер почувствовал себя глупо.

– Ну, какое сейчас тебе задание? – сказал капитан, – Для нашей работы – ты просто новорожденный, хоть и воевал в штурмовой бригаде, упокой господи все ее души... Пойдешь на подготовку – ускоренные курсы в нашей разведшколе. А там посмотрим.

Роджер подходил к подготовке бескомпромиссно и совершенно безжалостно по отношению к самому себе. Это было новое ощущение – себя, и, в то же время, совершенно нового, иного человека. Говорят, у него даже слегка подправлен код ДНК. Что ж, кто его знает, на что способны нынешние технологии?

Было только одно, что связывало его теперешнего и того – расстрелянного бутафорскими пулями в эзекуторской контрразведки, что на Сахарной Голове.

Агнесса...

Это имя жило в нем, жгло его изнутри и наполняло его жизнь смыслом. Он поклялся всем, что только мог положить на весы клятвы, – разыскать ее и выяснить – что же тогда произошло на самом деле? Почему он не погиб? Почему она решила спасти ему жизнь дважды – сначала, не пустив на страшную и нелепую бойню, а следом – буквально вытащив его из адского пекла термовзрыва?

Вот почему он, не сомневаясь ни секунды, дал согласие на работу в самом опасном подразделении сил Директории – в оперативной армейской разведке. Ведь, работая здесь, он потенциально мог получить неограниченный доступ практически к любой интересующей его информации. Лишь бы нашелся повод, и он стал лучшим из лучших.

Само по себе чудесное избавление от смерти и предложение, поступившее от квадратного капитана, Роджер воспринимал не иначе, как знак судьбы. И потому он не давал себе ни малейших поблажек. Ведь он должен стать лучшим из лучших. Должен...

Первые недели, проведенные в разведшколе, Роджер не имел воинского звания. Ведь он не был больше тем, расстрелянным сержантом Энрико. А рядовых в данном подразделении не держали.

К нему тщательно присматривались наставники, прокачивая на спецтренажерах и загоняя в подкорку рефлекс с помощью новейшей нейронной техники.

Вскоре он вновь стал именоваться сержантом. А к моменту выпуска его повысили до немислимых в кадровой армии за столь малый срок высот.

Он получил звание лейтенанта.

– Запомни, – сказал ему тогда капитан, имени которого он так никогда и не узнал, – В нашем цеху звание лейтенанта – это считай, почти, как полковник...

– Стало быть, вы – генерал? – довольно бестактно поинтересовался Роджер.

– Иногда даже куда выше, – скромно отозвался капитан. – Главное – не задирай нос и смотри в оба. Нас все ненавидят – особенно контрразведка. У них по нашему поводу изрядный комплекс неполноценности. Ведь то, что мы, как и полагается, делаем с врагами, они делают со своими. И порой – куда, как более мерзко...

Роджера определили в оперативно-диверсионную группу. Ее задачей была высадка и подготовка к вторжению на планетах, которые представляли интерес для Директории. А интерес представляла не каждая планета, а лишь та, что показывала известную слабость своей военной и политической машины. Выяснением этого занимались агенты-нелегалы, резиденты политической разведки Директории, которые имелись теперь практически на каждой населенной планете.

Директория пока не желала втягиваться в полномасштабную войну. Она по-прежнему предпочитала не завоевывать, а подгрести под себя слабых, не способных оказать достойного сопротивления. Наивных сепаратистов, что отделялись от Конфедерации, не думая, о том, что для полноценной независимости нужны достаточные ресурсы. И армии, способные их защитить. И на таких вот слабых и неподготовленных совершенно неожиданно обрушивалась вся военная мощь, которая, с расширением самой Директории, неизменно росла и крепла.

С ростом военной мощи росли и амбиции военных. Им хотелось заняться делом посерьезнее – например, потягаться силами с военно-политическими блоками, как грибы возникающими с развалом Конфедерации.

Жители богатых и промышленно развитых планет внезапно будто опомнились: то странное, вызывавшее недоумение образование, созданное каким-то недоучкой-капралом, разбу-

хало, как на дрожжах! Планеты в панике бросились судорожно объединяться: теперь им снова было против кого дружить.

Но Директория все еще откладывала общение с крупными игроками. На десерт.

...А пока Роджер усердно готовился к предстоящей операции. В штабе было тихо, но атмосфера была далекой от благодушия. Все работали с оперативными материалами.

В центре кабинета стоял огромный стол, заваленный картами и снимками со спутников. Работать с электронными носителями было запрещено в интересах секретности.

– Кто знает, какая на этой Гуаяне государственная религия? – спросил Тико, командир первого звена.

– Консервативный политеизм, – моментально отозвался Роджер. – Хорошо, что ты вспомнил. Надо всем заказать пятиконечные звезды на кожаных ремешках.

– А почему не на цепочках? – поинтересовался Тони, второй номер Роджера.

– Это консервативный политеизм, – терпеливо пояснил Роджер. – Цепочки и прочие излишества запрещены. Это прогрессивным политеистам все равно, на чем болтается символ веры...

– А мы не можем быть просто атеистами – чтобы не заморачиваться на мелочах? – спросил Тони.

– Можем, – сказал Тико. – Но лучше не привлекать к себе лишнего внимания. И креститься научиться тоже надо, как следует... Как там они крестятся?

– По пяти точкам, – сказал Роджер. – Вот так.

Он показал.

– А что, ты тоже... Из этих? – спросил Тони.

– Дурак ты, – мягко ответил Роджер. – Забыл? Это же материалы спецкурса...

– А... – ухмыльнулся Тони. – Ну и память у тебя. Я больше предпочитал физподготовку...

– Потому ты до сих пор сержант и второй номер, – заметил Тико. – Молодец, Роджер.

В кабинет быстро вошел референт с большой охапкой фотографий.

– Вот, – сказал он, – резидентура прислала, наконец, фотографии военных баз сепаратистов. Так что теперь у вас будет гораздо меньше проблем...

Пачка фотографий хлестко шлепнулась и перед Роджером.

– Ну, что ж. Посмотрим, что тут у нас... – сказал он и осекся на полуслове.

Первая же фотография резанула взгляд чем-то знакомым, вызывающим тучу ассоциаций и заставляющим замереть и лихорадочно задуматься над увиденным.

– Черт... – сказал себе Роджер. – Что это?

На снимке была городская площадь, плотно уставленная военной техникой. Похоже было на мобильную группировку противокосмической обороны. Такие могут по тревоге, за несколько секунд сорваться с места и умчаться прочь оттуда, куда несколько позже может заявиться неприятель с намерением разобраться на месте.

Ну, и что тут такого необычного? Вот она, группировка, а неприятель в лице Роджера и его товарищей, наплевав на ее мобильность, придет и совершенно спокойно выведет ее из строя. Когда настанет для того время.

Но что же заставляет биться сердце и кусать до крови губы?

И тут он понял.

Над одной из бронированных машин, на длинной, словно тараканий ус, антенне, реял легкомысленный желтый флаг с бубенцами.

Роджер принялся лихорадочно рыться в куче фотографий. Вот он, тот же флаг, только более крупным планом.

Никаких сомнений – это тот самый! Тот самый дурацкий флаг с шеста над проклятым цирковым шатром! Флаг, что исчез на следующий день после расстрела его друзей. Неужели он нашел...

Нашел ее?

Сколько он не перебирал фотографии, знакомого лица так и не увидел. Роджер даже тихо зарычал от бессилия.

Проклятье! И когда же, когда же наступит день высадки?!

4

День высадки наступил в отведенный ему командованием срок. Их вышвырнуло в тесных индивидуальных капсулах из грузового отделения большого рейсового звездолета, специально подготовленного для диверсионной работы. Капсулы упали в лесу и, как им полагалось, через пару часов рассыпались в пыль. Разведгруппа разбилась на звенья, которые направились в разные стороны – каждая к своему объекту.

Кто бы знал, каких усилий стоило Роджеру подстроить все таким образом, чтобы в маленький городок, где базировалось ПВО сепаратистов, направили именно его звено! Роджер, рискуя всем, чем только можно, провел самую натуральную аферу с подтасовкой документов и подделками приказов. Это было сделано таким образом, что командованию теперь должно было казаться, что с организацией облажалось оно само, и винить больше некого. Впрочем, суть дела была проста: к базе противокосмической и воздушной обороны должно было, по всем правилам, направиться более опытное звено. Роджеру изначально предстояло, «всегонавсего», прятаться в лесу, обеспечивая прикрытие и связь.

Но он должен был найти Агнессу. Любой ценой. А в лесу искать ее было бессмысленно.

Они вышли к автобусной остановке на дальней окраине города. Теперь каждый из них был предоставлен сам себе, и выглядели они совершенно разными, никак не связанными людьми.

Роджер был одет в скромный потертый рабочий комбинезон. В руках его был чемоданчик с инструментами. Он ехал на заработки, путешествуя по маленьким городкам, местам, где может понадобится помощь бродячего мастера по ремонту бытовой электроники. Из обвисшего кармана на бедре торчала грязноватая стопка объявлений, которые предстояло расклеить по городу.

Тарахтя и дыша грязными испарениями, подошел автобус. Был он длинный, состоящий из трех секций, соединенных «гармошкой», очень старый и грязный.

Роджер поднялся вовнутрь. Двери с лязгом закрылись, и автобус пополз в сторону города.

Приковылял низкорослый и безликий робот-кондуктор. Роджер отсыпал тому мелочи и получил взамен билетик из тускло-желтой бумаги. По какой-то блажи, Роджер совершил нелепый поступок: он решил убедиться, «счастливый» ли билет ему попался. Как когда-то, будучи мальчишкой, он сосчитал цифры, и внутренне возликовал: билетик оказался именно «счастливым».

С таким чувством иррациональной радости он и въехал в городок. Городок, который наивно не подозревал о том, что чьей-то рукой был обведен на оперативной карте жирным красным кружочком. Что не сулило городку ничего хорошего.

Роджер вышел из автобуса и неспешно прошелся по узким улочкам. Пора было приступить к основной работе, а именно – к разведке и подготовке диверсии на объекте.

Но, по правде говоря, ему было не до работы и уж тем более – не до абстрактных интересов великой и нерушимой Директории. Все его мысли были заняты осознанием того, что ОНА, возможно, сейчас где-то рядом. И он должен выяснить это в первую очередь и – наверняка.

А будет это непросто. Что он знает об этой девушке, кроме того, что она когда-то работала в фальшивом, подставном цирке? Кроме того, что найденный им флаг туманно намекает на мизерную возможность ее присутствия в этом месте. Даже ее фамилия ему неизвестна. Как не везет ему, все-таки, с фамилиями...

Он нашел ближайшую будку связи. Как и полагается в таких городках – покосившуюся, разрисованную граффити, искореженную изнутри малолетними вандалами. Прикованный цепью справочник открывать не имело смысла: Агнесса, наверняка не с этой планеты. Хотя...

Он, все же пролистал справочник, в котором оказались сотни Агнесс разного возраста и материального положения. Нет, это чушь.

Он достал несколько кредитов и закатил в приемную щель. Бронированный сенсорный экран осветился, и Роджер углубился в местную поисковую систему.

...Ни по имени, ни по заранее составленному ментальному фотороботу, найти он ее так и не смог. Впрочем, он не слишком расстроился. Если Агнесса действительно связана с сепаратистами, то вряд ли афиширует свое присутствие.

Странно, все-таки получается. Какие-то непонятные, вроде как «кочующие» сепаратисты. Ведь эта планета никак не вязана с Сахарной Головой, никакими союзами и блоками. Они находятся так далеко друг от друга, что подобный союз стал бы попросту неэффективным. Так почему же здесь всплывает тот самый флаг? Они что же – наемники? А, может, это просто совпадение?

И снова чушь. Роджер не верил в совпадения.

Он прошелся по улице, шедшей параллельно центральной площади. Переулки были закрыты металлическими «козлами», рядом с которыми маячили солдаты в местной форме. За их спинами виднелась бронетехника. Там же виднелась и антенна со знакомым уже флагом.

Ладно, займемся этим позже, решил Роджер. А пока стоит перекусить...

Роджер поискал глазами подходящую его намерениям вывеску и взгляд наткнулся на надпись «Быстро и вкусно». Форсить и сорить деньгами разведчику не пристало. Поэтому Роджер, не задумываясь, направился к длинному ряду низких окон, за которыми быстро и вкусно перекусывало местное население.

Это оказалось, все-таки, не стандартное роботизированное кафе, где заказ делаешь толстому железному ящику, из булькающего нутра которого и появляется набор из стандартных по всей Галактике блюд. Подобные автоматы, конечно, стояли вдоль стен. Но были тут и живые официанты, а так же имелась обширная барная стойка с длинным рядом высоких табуретов. Кроме того, были здесь и музыкальные автоматы, даже несколько игровых, а под потолком, пошевеливаемый вентиляцией, чуть раскачивался сверкающий зеркальный шар. Очевидно, это место было чем-то вроде местного культурного центра.

Роджер уселся за свободный столик в углу, откуда хорошо просматривалась большая часть помещения кафе. Он отложил в сторону ящик с инструментами, снял рабочую кепку и занялся тем, чем и подобает разведчику: наблюдать за людьми.

Посетителями этого кафе были самые разнообразные люди, от каких-то трясущихся бродяг, что пересчитывали мелочь, стоя у автоматов, до солидных дядек в дорогих костюмах с толстыми портфелями. Для некоторых из них даже резервировались столики, как понял Роджер. В большом городе такая картина, конечно, выглядел бы странной. Но здесь, в провинции, это в порядке вещей. Роджер знал это еще с Тореона: небось, эти солидные обладатели пузатых портфелей когда-то сами тряслись у пищевых автоматов, пересчитывая мелочь. Но упорным трудом или ловкостью они, наконец, что называется, выбились в люди. Однако же приятное ощущение от своего успеха нагляднее всего получить не в дорогом ресторане, а здесь, в старой привычной забегаловке, где тебя могут увидеть завистливые знакомые, а ты – сдержанно-снисходительно улыбнуться им. Многие из таких солидных людей отказываются от дальнейшего

упорного продвижения по карьерной лестнице только ради одного: чтобы оставаться в родном городке и продолжать купаться в ощущениях превосходства над сородичами. Кто он будет там, в столице, не говоря уж о другом полушарии или, тем более – другой планете? А здесь он – подлинное воплощение благополучия и успеха...

Да, формы человеческого тщеславия удивительны и многообразны...

Роджер привычно-ленивым взглядом изучал разнообразие местного населения, представленного в одном отдельно взятом кафе, когда к нему подошел мальчишка-официант. Ему еще показалось, что где-то он уже видел это лицо и тощую фигуру. И тут же отметил – другие официанты здесь тоже почему-то дети...

– Что будете заказывать, – звонким голосом поинтересовался малолетний официант.

– Я буду... – начал было Роджер, как вдруг увидел ЕЕ.

Она вынырнула из глубины зала, с подносом в руках – такая же тонкая, легкая, пронзительно знакомая...

– А знаешь, что, мальчик, – дрогнувшим голосом сказал Роджер, – Можно, меня обслужит вон та тетя?

Мальчишка странно посмотрел на Роджера. Помедлил секунду. И сказал:

– Ну... Хорошо... Я спрошу.

– Спроси, спроси. Вот тебе, на чай...

Роджер медленно выдохнул, стараясь привести в порядок мысли и успокоиться. Это не очень-то удалось, так как не более, чем через минуту рядом с ним возникла ОНА.

Агнесса.

Глядя, как приближается ее тонкая фигура, Роджер инстинктивно вжал голову в плечи, словно ожидая удара.

– Здравствуйте, – сказала она все тем же голосом, что до сих пор звенел в его обожженной памяти, – Будете делать заказ или вам предложить что-нибудь фирменное?

Конечно же, она не узнала его. Да и сам Роджер уже не был тем юным и беспечным сержантом. От того чудесного и страшного дня остался только сгусток противоречивых воспоминаний вперемешку с невнятными чувствами.

Но ее голос сработал, как катализатор химического взрыва. И все в нем ожило вновь. Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Агнесса... – сказал он, – Сядь, пожалуйста...

Она выронила блокнот для заказов.

Она не могла узнать его ни по облику, ни по голосу – все у него было теперь чужое. Просто она вновь поймала ту самую программу, что посылается из души в душу через круглые окошки расширившихся зрачков.

Агнесса села за столик перед ним. Медленно, словно в состоянии гипноза. И все это время она не отрывала взгляда от его глаз.

– Ты... Это ты... – хрипло произнесла она, – Ты... живой...

– Это я... – как эхо отозвался Роджер.

Они сидели и смотрели друг другу в глаза, пока Агнесса не опомнилась и не вскочила с места.

– Я предлагаю вам фирменный обед от шеф-повара... – безлико произнесла она.

– Замечательно, – кивнул Роджер. – То, что нужно...

...Роджер спокойно поел, выпил чашку кофе, и только потом отодвинул в сторону блюдце, которое стояло на мягкой розовой салфетке.

На салфетке корявым почерком была выведена надпись: «в б у высохшего фонтана».

Роджер смял салфетку и положил ее в карман. И ушел, оставив на столе тонкую стопку кредитов. Он не видел, как вслед ему, из полуоткрытой двери подсобки, с подозрением посмотрел знакомый толстый человек невысокого роста...

... Оставшийся день Роджер был занят работой, в которую постарался погрузиться с головой – так, чтобы не думать о том, что же будет этим вечером.

Он встретился с местным резидентом и передал тому деньги и документы для быстрой эвакуации с планеты. Взамен получил дополнительную порцию важной информации, которую и передал ударным звеньям из обыкновенной будки связи.

Еще до наступления темноты судьба противокосмической обороны этого полушария Гуаяны была предрешена. Дело оставалось за хорошо отлаженной работой ударных звеньев – тогда, когда наступит время «че» и командование сил Директории отдаст приказ на неожиданный и свирепый штурм мятежной планеты...

Он работал быстро и четко, будто и не была эта операция для него первой – своего рода экзаменом. Просто естественные страх и напряжение ушли, растворились в предчувствии новой встречи...

Ему казалось, что за один день он не только изучил этот городок, но и прожил здесь целую жизнь. А потому легко нашел тот самый высохший фонтан.

Фонтан, очевидно, не работал очень давно. Исчезли даже намеки на то, что когда-то из ржавых патрубков били в небо радостные водяные струи. Серая цементная чаша была теперь пустынной ареной для гонок на перегонки легких и быстрых опавших листьев. Ветер кружил их, закручивая воронками и пуская по цементному кольцу, словно гоночные болиды. На это можно было любоваться часами, можно было давать листьям имена и делать ставки – какой листок быстрее добежит от стенки до стенки...

– Привет, – раздался знакомый хрипловатый голос.

Роджер обернулся. Агнесса полусидела, облокотившись на бортик фонтанного бассейна. Ее поза выдавала волнение и плохо скрываемое внутреннее напряжение.

– Здравствуй, Агнесса, – сказал Роджер.

– Ты очень изменился, Энрико, – произнесла Агнесса, – Тебя не узнать. Совсем.

– Да, – сказал Роджер, – Я изменился. И я даже больше не Энрико... Зато ты не изменилась. Стала только красивее...

– Наверное, ты здесь неспроста – с новым лицом и другим именем... Видимо, нам здесь следует ждать беды...

– Да. Пожалуй...

Роджер помолчал. Еще немного – и он начнет разваливать то, что с таким трудом было проделано его товарищами из военной разведки. Будет ли он переживать из-за этого? Кто его знает? В этом мире есть только одно, что действительно стоит переживаний.

Она.

– Агнесса... – заговорил вдруг Роджер страстно и жарко.

Он даже схватил ее за руку. Она не сопротивлялась.

– Агнесса, тебе надо уходить отсюда. Если останешься – может случиться беда. Я не знаю, как ты связана с тем взрывом на Сахарной Голове, но наша контрразведка уже взяла тебя «на карандаш». Я спрячу тебя, помогу выехать отсюда, сделаю любые документы...

Его бурная речь разбилась на мелкие осколки о слегка удивленное и небрежное:

– Зачем?

– К-как это – зачем? – краска сошла с лица Роджера, – Я хочу помочь тебе... Хочу этого больше жизни! Клянусь, я все сделаю, чтобы спасти тебя! Или ты мне не веришь?!

– Спасти меня? – хмыкнула Агнесса. – Расскажи лучше, как ты живешь...

– Что?! А... Как я живу... А который – я? Тот, которого расстреляли из-за того, что видели вместе с девушкой из бродячего балагана смерти? Или тот, что живет еще на свете только для того, чтобы найти эту девушку и... понять?..

Последние слова Роджер произнес почти с отчаянием. Его лица коснулась тонкая холодная ладонь.

– Пойми, Энрико... – в голосе Агнессы зазвучала печаль и безысходность. – Прости, что называю тебя так. Я ведь знаю и помню тебя только как того веселого и... светлого сержанта Энрико... То, чем я занимаюсь – вовсе не моя блажь. И не чья-то отвлеченная злая воля. Ведь я и есть ваш злейший, самый откровенный и последовательный враг. Я враг Директории. А, значит, и твой враг...

Она приблизилась и коснулась щекой его лица. Роджер почувствовал холодную слезу. И обнял Агнессу.

Подумать только – он впервые обнял ее только сейчас! А ему казалось – они были вместе вечно...

– Понимаешь, – шептала она, – И ты тоже тогда должен был умереть. Ты и сейчас должен умереть – как и все вы, убийцы и душегубы Директории. Ведь ты даже не можешь представить той ненависти, что направлена против вас – на наших маленьких, беззащитных, но пока еще свободных мирах. Тех, где сгрудились беженцы со всех разоренных вами планет... И ведь, по правде, ты – ничем не лучше других палачей Директории. Касатка, Гамма Дурана, Энтримон – ты ведь тоже был там, я видела записи... И прямо сейчас я должна была бы тебя уничтожить... Но... Я не могу... Не могу...

Она рыдала у него на плече. А потрясенный Роджер выискивал в покореженной памяти те смутные кадры военной хроники, о которых, наверное, и говорила Агнесса. И он не понимал ее.

Внезапно прекратив рыдать, Агнесса оттолкнула его со словами, произнесенными осипшим от слез голосом:

– Все. Это была слабость. Такое бывает со всеми. А теперь я пойду.

– Постой, Агнесса... – Роджеру показалось, что земля уходит у него из-под ног. – Но как... Как же это...

– Мы – враги, – отрезала Агнесса и вдруг снова всхлипнула, – Теперь, если я вдруг увижу тебя – то убью. Не смогу сама – скажу тем, кто ни секунды не станет колебаться. И передай своим – пусть ваши штурмовики готовятся к смерти...

– Агнесса...

– Прощай!

Она повернулась и быстро скрылась в ближайшем переулке.

Роджер потрясенно осел на камни мостовой. Он ожидал чего угодно, только не такого разговора. В душе было чернее и холоднее, чем в мертвом вакууме космоса. Гамма-излучение безжалостно выжигало оголенную беззащитную душу...

Так он сидел, прислонившись к бортику фонтана, а мимо проходили беспечные прохожие, шныряли дети, тяжело ступали солдаты...

Он смотрел сквозь все это движение, и не хотел видеть ничего. Все, на что стоило в этой жизни смотреть, скрылось в этом проклятом пыльном переулке...

Он закрыл глаза. И увидел почему-то желтое знамя, весело звенящее на ветру маленькими бубенцами.

А потом пискнул нуль-пейджер. Наступало время «че».

5

– Ну, что же, просто блестяще! Поздравляю вас, капитан – это самое удачное начало карьеры разведчика, которое только можно представить!

– Вы ошиблись, мой майор. Я лейтенант.

– Это вы ошиблись, Роджер. Отныне вы – капитан оперативной разведки. И, на мой взгляд, вполне заслуженно.

– Служу Директории!

– Вольно, капитан! Отвыкайте от армейских строевых привычек. У нас здесь служит элита вооруженных сил, и козыряние не в ходу.

– Понял, мой майор!

– Вот, то-то же... Только вы не расслабляйтесь, Роджер. У нас есть традиция: после повышения повышаемый в звании должен выступить с небольшим докладом в нашем закрытом клубе, в кругу старших коллег. Да, нет, не с докладом даже, а, скорее, с речью, в которой вы изложите свои взгляды на нашу работу, а может, и дадите ценные предложения. Это по большей части формальность, но делается для того, чтобы подтвердить вашу квалификацию. Вы же понимаете, какой у нас отбор.

– Конечно, мой майор...

– Таким вот образом... А пока расслабьтесь, отметьте повышение вместе с товарищами по службе. У вас слишком усталый вид. Это не пристало настоящему разведчику.

– Буду стараться, мой майор!

– Да уж постарайтесь...

Этот вечер Роджер решил провести с друзьями.

Он накрепко закрылся в своей квартире. Ему полагалась теперь прямо-таки роскошные двухкомнатные апартаменты, с собственной ванной и кухней, огромной, будто кашеварить в ней предстояло не меньше, чем на роту. Роджер и представить себе не мог, что когда-нибудь в своей жизни сменит стандартное «койкоместо» в казарме на такое невероятное по обилию нерационально используемой площади жилье. А ведь даже сама по себе казарма стала однажды для него настоящим раем.

Когда-то давным-давно.

– Ну, что, друзья, – сказал Роджер и выставил на полку под видеопанелью большую фотографию в тонкой металлической рамке. – Теперь я капитан. Можете вы в это поверить? Я – нет... Но, как старший по званию, я угощаю...

С фотографии на него весело смотрели молодые и бесшабашные Рафаэль и Хосе. Они явно были рады за своего старого друга. Только вот сам Роджер совсем не ощущал радости.

– Что будем пить? – спросил он у фотографии. – Что? Опять пиво? Нет вопросов! Рафаэль, не надо слов – я помню, что ты любишь темное.

Пшикнули открываемые банки. Роджер чокнулся с двумя поставленными на полку перед фотографией банками и опрокинул пенящееся содержимое в глотку.

– Уф! – сказал он. – С пивом мы, все-таки, далеко не уедем. Хосе, я знаю – ты обожаешь тикилу! Тебе повезло! На этой проклятой Гуаяне делают отличную тикилу! Вернее – делали. Пока мы не превратили это чертово осиное гнездо в большое печеное яблоко...

Роджер налил друзьям по трети стакана тикилы, и чокнулся с ними бутылкой. После чего хорошенько приложился к горлышку.

– О-ох, – выдохнул Роджер и помотал головой, – Забористая штука! Ребята, как же это хреново, что вы так мало пьете... Это на вас не похоже. Хосе, ну, что же ты – давай, поддержи приятеля!

Роджер вылил в глотку остатки тикилы и, шатаясь, подошел к бару, встроенному в стену. Со второй попытки поймал ручку дверцы и потянул на себя.

– Что-то слабая тикила на этой чертовой планете, – пробормотал он и вытащил из бара квадратную бутылку виски, – Хосе, Рафаэль! У меня, оказывается, есть отличное пойло! Сейчас мы с вами расслабимся по-нашему, по-гвардейски... А вы... вы... слышали, что придумали эти штабные кретины? Они хотят расформировать нашу бригаду! Что? Вот и я говорю: руки! Руки прочь от «Лос-К-командорс», ублюдки! Надумали... Тоже мне...

Роджер присосался к бутылке. И с отвращением сплюнул.

Перед глазами стелился густой туман, словно маскировочная дымовая завеса.

– Дым... – протянул Роджер. – Дым и гарь...

Он попытался встать. Сразу не получилось, и он прекратил попытки.

Вдалеке, за дымкой, расплывались лица друзей. Роджер помахал им бутылкой:

– Ребята, я хотел рассказать вам... А-а... Черт... У меня ведь беда, ребята...

Он замолчал, и лицо его миглом осунулось, будто бы стекло к подбородку.

– Я... Я ведь не могу без нее... Вы ведь знаете – я влюбился! Черт, мне стыдно, если бы я не был пьян, то и под пыткой ни кому не сказал бы об этом. Представляете? Влюбился, как щенок, как недоносок из учебки... А как не влюбиться? Хосе, ты же видел ее! Она необыкновенная... В ней что-то такое... Какая-то сила, как в этой бутылке: ни черта не поймешь пока не попробуешь... А ведь я толком и не попробовал... Черт! Да вообще не попробовал! Только смотрел на эту этикетку, на манящий дурман за стеклом... Да... Она все время для меня, будто за стеклом – вот, вот она! А – нет, не достанешь! Только любуйся, гладь это стекло и сходи с ума от жажды...

Роджер зарычал. И вдруг в ярости швырнул недопитую бутылку в стену. Раздался звон, и по бежевой стене побежали вниз тонкие струйки...

– А я не могу без нее! – закричал Роджер срывающимся голосом, – Не могу! Ребята, помогите, объясните мне – что это за чертовщина? Ведь эта тварь убила вас! Да, да! Я влюбился в девчонку, которая заманила вас в эту проклятую ловушку... Так подло... И я ничего не могу с собой поделывать...

Роджер, все-таки, встал на ноги и кое-как добрал до бара. Позвонив бутылками, что-то опрокинув, что-то разбив, он вытащил еще одну бутылку, этикетку на которой даже не удосужился прочитать. Зубами выдернул пробку, хлебнул.

Это оказался коньяк.

– Ее зовут Агнесса, – поведал друзьям Роджер, – Это все, что я знаю о ней. И я даже не уверен, что это – ее настоящее имя. И еще этот чертов желтый флаг. С бубенчиками, ха-ха... Циркачи! Ха-ха-ха! Они думают, что могут вот так смеяться над нами, вывешивая этот флаг! Мол, мы тут – ау! Твари...

Коньяк уже отказывался литься в глотку.

– После высадки основных сил на этой проклятой Гуаяне она пропала вместе со своим флагом. Представляете – он больше нигде не появлялся. И неизвестно – появится еще вообще или нет... Это был один, один шанс из миллиона – разыскать ее... А я упустил его...

Роджер, мрачнее тучи, сидя на полу, раскачивался из стороны в сторону, словно игрушечный болванчик, какой был у него в детстве. Друзья смеялись со своей фотографии, что-то кричали ему, но он не слушал. Наконец, когда голоса стали слишком уж сильно звенеть у него в ушах, он отмахнулся.

– Да, да, ребята, – сказал он. – Я уже понял. Мне с ней не по пути. И еще... Я должен... Я должен отомстить за вас, ребята. Я буду искать ее по всем планетам – и лишать ее друзей. Так же, как она лишила меня вас... А если еще раз ее встречу – то убью и ее. Если смогу...

Роджер криво усмехнулся.

– А сейчас – давайте пить, друзья! – заплетающимся языком воскликнул он.

И, как подрубленный, свалился на ковер.

Роджер был в новеньком капитанском мундире с огромными золотыми погонами и эполетами. Голову сдавливала лихо загнутая фуражка с широким козырьком и здоровенным витым семиглавым грифом Директории над ним. Так одеваться в разведке было принято только в двух случаях: первой речи в офицерском клубе и на собственных похоронах, укрывшись государственным флагом. Конечно же, если соображения секретности не требовали тайной кремации и развеяния пепла по ветру.

К этому докладу Роджер готовился тщательно. Ни малейшего налета формальности он себе не позволил, хотя, по сути, доклад этот считался всеми лишь прелюдией к банкету.

Он твердым шагом вошел в небольшой, но людный, ярко освещенный зал, щелкнул каблуками и эффектно отдал честь. Раздались сдержанные аплодисменты, под которые Роджер и проследовал к маленькой трибуне – все с тем же грифом на лицевой стенке.

Он обвел взглядом собрание. Знал он здесь далеко не всех. В разведке вообще было принято знать только равных по званию, а также непосредственное начальство и непосредственных своих подчиненных. Так что все эти щегольски одетые люди в штатском – скорее всего – в звании майора.

– Господа, – заговорил Роджер. – Я хочу поблагодарить командование за присвоение мне высокого звания капитана оперативной разведки. Это очень серьезное звание, и я надеюсь оправдать оказанное мне доверие...

Зал одобрительно зашумел.

– Поэтому, – продолжил Роджер, – Я бы хотел внести посильный вклад в наше общее дело борьбы с сепаратизмом и расширения границ Директории.

Перед Роджером лежала толстая папка с материалами доклада, но он не пользовался записями. Слишком четко он представлял себе задуманное – в красках, подробностях, деталях.

Потому, что это был не просто список важных предложений и сценариев возможных спецопераций.

Это был план мести. Жестокой и изощренной. Мести за погибших друзей. И за то, что могло показаться мелким, постыдным и несопоставимым с серьезными целями работы его конторы, за то в чем Роджер не желал признаваться себе самому.

Мести за отвергнутую любовь.

На него смотрели десятки глаз – немного иронично, снисходительно, даже дружелюбно. Хоть Роджер знал цену этим взглядам: не было во всех мирах более обманчивых и лживых взглядов. Ведь сущность и смысл жизни этих людей построены на обмане, подлости и предательстве. Просто такая работа.

Но ему, Роджеру, предстоит теперь стать самым циничным и жестоким из всех этих людей. Потому им движет не желание карьерного роста, не деньги и не наслаждение собственной властью и безнаказанностью.

Та сила, что поведет его, не зависит от его собственных мелких желаний и уж тем более – ничего больше не значащих целей какой-то абстрактной Директории.

Месть выше этих частных.

– Господа, – заговорил Роджер, – в своей речи я должен был оценить собственную роль в нашей совместной работе и предложить варианты приложения собственных сил в рамках существующей концепции деятельности оперативной разведки.

За то недолгое время, что мне довелось служить в этом особом армейском цеху, у меня возник ряд мыслей, которые могут показаться присутствующим, как минимум, странными, а, возможно, и дерзкими. Но поскольку, я, возможно, первый и последний раз выступаю перед элитой разведслужб Директории, мне показалось, что я не имею права молчать. И я выскажу все свои накопленные мысли...

В зале, где царил легкий веселый шумок, наступила гробовая тишина. Разведчики с удивлением и настороженностью уставились на докладчика, что только что пообещал им надерзить перед фуршетом.

– Итак... – Роджер внезапно осип, и быстро откашлялся. – Я сразу хочу со всей ответственностью заявить, что наша оперативная разведка давным-давно топчется на месте. Чем мы занимаемся? Мы сидим в штабах и терпеливо ждем сигналов от резидентов, что также пригрели свои задницы на теплых и сытых планетах. Ждем, пока яблоко, что уже налилось соком

и созрело, само упадет на землю. А что нам мешает подойти и двинуть по стволу крепким сапогом? Чтобы яблоки посыпались сразу – и не одно, а столько, сколько мы сможем унести...

По залу пошел легкий шумок. Это было понятно: Роджер говорил весьма крамольные вещи. Ведь Железный Капрал дал недвусмысленную установку на осторожное, постепенное накопление сил Директории, пока та не окрепнет настолько, чтобы начать диктовать собственные условия развитым и сильным мирам, придя, наконец, на смену старой Конфедерации. Если здесь присутствовали агенты контрразведки, то Роджера, несомненно, в эту же секунду взяли в разработку. Он понимал, на какой риск идет, и осторожно рассчитывал на поддержку тех, кто робко высказывал уже близкие мысли. Надо только успеть договорить до конца. Чтобы не было никаких двусмысленностей в толковании его слов...

– Я поясню свою мысль, – твердо сказал Роджер, – Сепаратисты, отступая под натиском Директории, кочуют с планеты на планету. Они перетаскивают вместе с собой остатки сил захваченных нами миров, а, значит, крепнут. И не только людьми и техникой, но и ненавистью к Директории...

Глаза Роджера сверкнули.

– Ненависть – это страшная сила. Она заставляет без страха бросаться на врага, но она же часто лишает критического отношения к реальности. Если мы и дальше будем двигаться наработанным и привычным путем, то, рано или поздно, наступим на собственные грабли... Итак, что же я предлагаю? Есть целый ряд довольно богатых миров, которые формально все еще входят в Конфедерацию, а, значит, находятся под ее защитой. Директория пока не желает полномасштабной войны с Конфедерацией. И это понятно: нам есть смысл копить ресурсы для единого удара. Удара наверняка. В этом мудрость доктрины Железного Капрала, и она не может быть подвергнута ни малейшему сомнению...

Роджер осмотрел присутствующих. У некоторых монстров разведывательной работы от дерзости докладчика поотваливались челюсти. Тоже мне – оперативники!

– Но почему бы на этих сытых, жирных мирах не появиться пресловутым сепаратистам? Почему бы им, этим спокойным и самодовольным мирам не захотеть самостоятельности? Это было бы вполне логично! Ведь богатой и сильной планете нет нужды выслушивать руководящие наставления полуживого правительства Конфедерации, кормить его и отстегивать в объединенный бюджет триллионы кредитов! Вы понимаете, к чему я клоню?..

Разведчики пораженно переглядывались. Большинство из них прекрасно, с полуслова поняли мысль этого нахального новоиспеченного капитана.

– Да, да, – кивнул Роджер, – именно это я и имею в виду. Кому, как не разведке, стоит подтолкнуть эти планеты к мысли об отсоединении от Конфедерации, о создании ничего не стоящих военных блоков, а главное – подготовке веского повода для прихода миротворцев? То есть – доблестных сил Директории! Представляете, насколько можно ускорить усиление нашей экономической и военной мощи, если мы в полной мере используем потенциал оперативно-разведывательных технологий и перейдем от созерцания к активным действиям?!

В зале поднялся невообразимый шум. Слышались возгласы – удивленные, злые, насмешливые, восторженные. Кто-то истерически хохотал, а кто-то – угрожал трибуналом.

Услышав про трибунал, Роджер улыбнулся. После своего собственного расстрела он считал себя, если не бессмертным, то уж, во всяком случае, человеком, которому плевать на все внешние, исходящие от людей угрозы. Он был выше других. Он имел больше прав.

Потому что его окрыляло предвкушение мести.

– Что касается деталей моей концепции, или, если угодно, новой разведывательно-диверсионной доктрины, то она изложена в этой папке. Я понимаю, что всего лишь капитан, и даже не уверен, останусь ли капитаном после сегодняшнего банкета в честь моего назначения. Но я высказал все, что думаю, и уверен: в нашем ведомстве достаточно светлых голов, чтобы дове-

сти мою идею до реального воплощения. Я же готов лично идти в самое пекло. Во имя оперативной разведки, во имя Директории, во имя Железного Капрала! У меня все, спасибо...

6

В отделе внутренних расследований было не намного веселее, чем в казематах контрразведки. Правда, выглядело все как-то более по-домашнему. Но и полиграф здесь был куда мощнее, а трибунала, по правде говоря, вообще не предусматривалось. Ему могли, буде возникла бы такая необходимость, прямо здесь сделать милосердный укол из никелированного «пистолета» для инъекций. И карьера оперативника закончилась бы легким дымком из вытяжки стоящего тут же в углу автоклава.

Но Роджер совершенно не боялся. После произведенного его речью шока и тихого скандала в штабе его просто-напросто аккуратно взяли под руки и привели сюда, на «промывку мозгов».

Краем уха Роджер слышал, что благодаря большому скоплению народа, дело не решились спускать на тормозах внутри ведомства, и кое-кто мигом отправился на личный разговор к Старику.

Это не могло не вызвать довольной улыбки Роджера. О такой чести и таком уровне внимания к собственной персоне он не смел даже мечтать.

Что же до временной изоляции всех его невольных слушателей – так ему было на них совершенно наплевать. Сам он не боялся ни гнева начальства, ни мелких карьерных интриг. Главное – чтобы заработала его идея и заработала в нужном ему направлении...

Роджер сидел в довольно удобном кресле, все с теми же датчиками на пальцах и расслабленно отвечал на вопросы техников. Процесс был поставлен на поток и руководитель допроса лишь скусающе кивал в такт ответам допрашиваемого.

Поскольку клиент у техников был непростой, владеющий, в том числе, методиками обмана «детекторов лжи», то и методики допроса были специфические. Кривые на мониторах техников могли свести с ума профессора математики, но отражали всего лишь простые физиологические реакции.

Что от него хотели узнать? Роджер не задавался этим бессмысленным вопросом. Атмосфера постоянной настороженности и подозрительности сама собой рождала вопросы.

Почему он сказал так, а не иначе?

Что подвигло его на провокационные речи?

Каковы его истинные цели?

Кто стоит за ним?

Сколько ему заплатили?

Как называлась улица, на которой стояла его школа?..

Как он выходит на связь с вражескими агентами?

Как звали его первую девушку?

Роджеру не о чем было врать. Он искренне верил в то, что делал – и в этом была его сила.

Когда стандартная процедура подходила уже к своему логическому завершению, руководитель допроса должен был поднять трубку телефона и доложить кому следует, а незнакомое ни в лицо, ни по имени, но жесткое и скорое на расправу начальство оперативной разведки должно было принять решение по поводу судьбы своего нового, но уже довольно неудобного подчиненного.

Однако телефон зазвонил сам, прежде, чем к нему потянулась худощавая рука дознавателя.

– У аппарата, – сказал дознаватель.

Лицо его вдруг изменилось. Он выпрямился на своем стуле и медленно поднялся вытянувшись по стойке «смирно», не отрывая от уха массивной металлической телефонной трубки..

– Да... – странным голосом произнес он, – У меня... Здесь... Нормально... Ничего особо подозрительного... Так точно! А можно вопрос?...

Очевидно, связь прервалась раньше, чем дознаватель успел сформулировать свой вопрос. Он медленно положил трубку и удивленно посмотрел на допрашиваемого.

– Господин капитан, допрос окончен, – сказал он деревянным голосом.

– Я могу быть свободен? – поинтересовался Роджер.

Он, почему-то, ничуть не удивился. Его уверенность в собственной правоте росла с каждой минутой.

– Подождите, пожалуйста, – неожиданно вежливо попросил руководитель допроса и небрежно кивнул техникам.

Те моментально, безо всяких эмоций принялись сворачивать свое оборудование, складывая его в небольшие металлические чемоданчики. Когда от тела Роджера был отлеплен последний электрод, дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возникли две рослые фигуры в незнакомой, удивительно ладной, черной форме. Во всяком случае, Роджеру, немало времени проведенному в армии, такая форма была неизвестна.

– Фельдъегерская служба командующего, – рокочущим басом представился один из вошедших, – Нам нужен господин капитан. Он отправится с нами...

Перед глазами Роджера поплыл туман. Так вот кто такие эти brave ребята! Это же личная курьерская служба Железного Капрала! И прислать егерей к нему, к Роджеру мог только Сам...

Роджера аккуратно подхватили с кресла, поставили между могучими фигурами, и все трое быстро двинулись запутанными коридорами штаба оперативной разведки. Краем глаза Роджер заметил, что боковые ходы и выходы были заблокированы такими же парнями в черном, а один из них, с самым серьезным видом строго отчитывал одного знакомого майора. Да, фельдъегерь, конечно, не генерал, не маршал, но он – рука Самого. И ласкающая наградами, и карающая любой мыслимой карой...

Его аккуратно и быстро засунули в какую-то большую затемненную машину. Роджеру едва хватило самообладания и выдержки, чтобы не опуститься до глупых вопросов. Все было слишком серьезно, и марку нужно было держать до конца. Впрочем, сопровождающие и сами не изъявили ни малейшего желания к общению. Роджер так и не услышал от них ни слова.

После машины были внутренности строго, но весьма дорого отделанного корабля, в котором Роджеру досталась отдельная каюта со всеми удобствами. Там у него было много времени, чтобы обдумать свое положение и подготовиться... К чему? Пока были только догадки...

Но после первого впечатления от удивительных и неожиданных поворотов судьбы, в душу вернулась та неустрашимая заноза, которая продолжала ворошить незаживающую рану, от которой порой просто хотелось выть. Роджер мечтал только об одном – чтобы ему, наконец, дали какое-либо задание, желательно, смертельно опасное, чтобы забить, заглушить проклятые мысли...

Впрочем, полет продолжался недолго.

Очевидно, нынешняя резиденция командующего находилась не столь далеко от системы Гуаяны. Постоянной резиденции у того не было вообще – Старик не выносил сидения на одном месте. Да и опасался покушения, надо полагать...

...Массивный люк в толстой бронированной стенке корабля со свистом поднялся на гидравлических тягах. К удивлению Роджера, ход вел не на свежий воздух космодрома или импровизированной войсковой площадки подскока, а в какой-то кривой гофрированный тоннель. Впрочем, он быстро сообразил, что такие тоннели, а точнее – рукава – обычно подаются к

пассажирским кораблям от посадочных терминалов космопортов. На пассажирских Роджеру летать пока не приходилось – не считая той нелегальной высадки на Гуаяне.

Так, в сопровождении все тех же егерей в черном, он и отправился в длинный путь по прямым и светлым тоннелям, в которых он вскоре окончательно запутался и полностью потерял ориентацию. Непонятно, что это было – гигантский военный бункер, завод, система складов или транспортный узел. В любом случае, весь путь шел ощутимо под уклон – в глубину неизвестной планеты. В конце-концов, по пути стали встречаться армейские патрули и устроенные прямо в тоннелях блокпосты из железных балок и мешков с песком, а кое-где – и торчащие из-за все тех же мешков стволы танков и бронетранспортеров.

«А местечко-то укреплено серьезно», – подумалось Роджеру.

В душе запели струны старых армейских воспоминаний, заставляя сердце биться в ускоренном темпе. Он с некоторой грустью и даже завистью смотрел на неспешно курящих в сторонке, скалящих зубы и лениво треплющихся сержантов, что четко, но вместе с тем, вполне независимо, отдавали честь всемогущим фельдъегерям.

Он быстро задушил в себе эти сентиментальные нюни. И к тому моменту, когда впереди показался наиболее мощно укрепленный участок, он вновь стал холоден и циничен.

...Они прошли через пять тяжелых бронированных дверей. Каждую из них охраняло отделение гвардейцев-штурмовиков, вооруженных незнакомым, но ощутимо мощным оружием. Одеты гвардейцы были странно и громоздко. Роджер только краем уха слышал про так называемую мотоброню – а здесь все были в ней и выглядели сказочными и грозными существами.

Открытие каждой из дверей сопровождалось целым ритуалом с приложением ладоней всех троих визитеров к холодной матовой поверхности детектора и режущего глаза сканирования сетчатки. Утешало одно – их не обыскивали.

У последней, отделанной дорогим деревом, двери стояли два офицера в знакомой уже черной форме.

– Ждать здесь, – приказал один из них и исчез за мнимой деревянной дверью – по толщине брони она не отличалась от прочих.

Второй остался стоять напротив Роджера, не мигая, глядя тому прямо в глаза. Из его уха, загибаясь кверху, торчал тонкий усик антенны.

Молчаливые конвоиры, даже не удостоив доставленного лишним взглядом, прошли в незаметную боковую дверь.

– Капитан, – сказал вдруг оставшийся офицер, – Командующий ждет вас! Прошу вас держаться корректно и не совершать никаких резких движений. Руки – только по швам. Проходите, пожалуйста.

Роджера бросило в жар. Он чувствовал себя, словно перед встречей с самим Господом Богом. По сути, так оно для него и было. Дверь медленно отворилась, в глаза ударил мягкий божественный свет.

И он шагнул в его лучи.

Роджер стоял посреди просторного помещения, залитого белым светом из скрытых источников. Пол был залит мягким матовым покрытием, потолок растворялся в приятной белезне. Сбоку стоял большой рабочий стол, с широким монитором и высоким, вроде бы, старинным, креслом за ним. На спинку кресла был небрежно накинута потрепанная клетчатая плед. Рядом со столом возвышались складные полки, уставленные книгами и заваленные рулонами каких-то карт и схем.

– Приветствую вас, капитан, – раздался со спины негромкий и довольно усталый голос.

Роджер медленно оглянулся, думая только об одном – не свалиться в обморок...

В обморок он не свалился. Перед ним стоял сухонький пожилой человек невысокого роста, в мундире устаревшего образца с давно отмененными капральскими ромбиками на воротнике. Единственное, что поразило Роджера в облике этого, пожалуй, самого могущественного человека в Галактике – это дико контрастирующие с форменными брюками мягкие спортивные тапочки.

– Здравствуйте, – приятным голосом произнес тот, кого называли Железным Капралом, Стариком, командующим, – Мне доложили о вас, доложили... Приятно, однако, познакомиться с таким умным и смелым в идеях молодым офицером.

– Для меня это великая честь... – выпалил было Роджер, но Старик с усмешкой отмахнулся:

– Господин капитан, не забывайте, что я всего лишь простой капрал. И это именно для меня – особая честь общаться с подлинной элитой нашего офицерства... Чаю не желаете?

– Как прикажете, господин командующий! – рявкнул Роджер, выпучив глаза от переизбытка эмоций.

– Чувствуется войсковая закалка – ничем ее не прошибешь, – довольно произнес Старик и крикнул:

– Дежурный! Чаю нам! И бутербродов!

Черный офицер довольно скоро явился с большим подносом, на котором красовались уложенные штабелями простецкие бутерброды с сыром и колбасой и стаканы с дымящимся чаем, в казенных подстаканниках.

– Как там поживает наша оперативная разведка? – добродушно поинтересовался Старик. – Как я слышал, ощущается серьезный кадровый голод?

– Не могу знать, господин командующий! – отчеканил Роджер. – Не имею соответствующего допуска...

– Это правильно, – помешивая чай ложечкой и причмокивая, сказал Железный Капрал, – Я вот тоже много куда не имею допуска. Мне, как капралу не положено. Потому вынужден делать выводы из ограниченного количества информации... Да-с...

– Вы, наверное, шутите, – натужно улыбнулся Роджер, – ведь вы – величайший командующий в истории!

– Вот именно, – без ложной скромности кивнул Старик, – командующий, а не всезнайка. Вот вы, такой шустрый юный капитан, вы, скажем, знаете, в чем подлинная сила и мощь Директории?

– Я полагаю, – осторожно сказал Роджер, – в мощи ее армии и умелом руководстве...

– Да бросьте! – снова отмахнулся Старик, – это пропаганда, необходимая для масс, но никак не для высшего звена нашей армии. Вся сила Директории в ее особой структуре, благодаря которой эта машина работает одинаково мощно и стабильно, независимо от того, кто в ней служит и кто ей управляет. Любой винтик в ней легко заменяем, а в запасных частях Директория не знает нужды. Я – живой тому пример. Я столько лет руковожу Директорией со своего капральского уровня и делаю это довольно эффективно. А в чем причина?

– В вашей непревзойденной прозорливости, таланте военачальника, природной энергии и харизме подлинно народного лидера, – дипломатично предположил Роджер.

Старик от души рассмеялся:

– Нет, право же, тяжело спорить с такими серьезными аргументами. Однако и впрямь моя система весьма долгий срок работает отлично. Так, например, в изрядно застоявшихся органах разведки, которые давно пришла пора, как следует вычистить от бюрократов и прочего бесполезного балласта, вдруг, нежданно-негаданно появляетесь вы! И вы сами – сами, изнутри начинаете этот благотворный катарсис оперативных служб. Думаете, это случайность? Нет, друг мой. Это и есть работа созданной мною структуры... Вы – приятное для меня подтвер-

ждение правильности моей многолетней работы. Не первое, конечно, но весьма существенное. Потому я и должен был убедиться в этом лично...

Роджер был поражен легкостью общения с этим великим человеком, который совсем не производил впечатления того легендарного, полумистического Железного Капрала, которого он помнил из хроники, и который взирал на всех обитателей Директории с огромных агитационных плакатов и помпезных парадных портретов. Он больше был похож на старого школьного учителя, чем на Наполеона сверхновой истории человечества.

– Впрочем, вернемся к главной теме нашей встречи, – прихлебывая чай, продолжил Старик, – Ни слова, ни слова! Молчите. Я видел ваш доклад в записи, а после, пока вас везли сюда, – выслушал мнение дознавателей. Мне сразу понравился ход ваших мыслей. Я, признаться, давненько рассматриваю подобное развитие событий – как наиболее перспективное. У нас уже давно достаточно сил и средств для такой глубинной проработки противника. Только вот поручить самое тонкое и ответственное направление работы нашей разведки было некому...

Железный Капрал вздохнул и развел руками, в одной из которых продолжал держать подстаканник.

– Свежая кровь в новом деле, постоянное обновление аппарата управления – вот один из мощнейших козырей Директории. Так что этот новый вид разведывательно-диверсионных работ – назовем его, скажем, «спровоцированным сепаратизмом» – я поручаю непосредственно вам...

– Как?! Мне?! – ахнул Роджер. – Но... Но я... Я ведь всего лишь капитан...

– А я – всего лишь капрал, – парировал Старик, весло поглядывая на растерянного гостя, – Дело не в звании, дело в системе, которая после своего создания и отладки работает по своим, уже неподвластным нам законам... У вас, я вижу возникли вопросы?

– Да, господин командующий... – Роджер судорожно сглотнул. – Это наверно глупо и бестактно... Но мне и впрямь интересно – капралом каких войск вы служили до...?

Роджер замялся, испугавшись собственных слов. Как бы не отпугнуть так здорово повернувшуюся к нему лицом судьбу...

Железный Капрал усмехнулся:

– Правильно поставленный вопрос таит в себе и часть ответа. Вы пытаетесь понять, как может капрал командовать мощной военной машиной? Ну, что ж. Попробуйте, попробуйте. Хотя я вам отвечу. Я был и остаюсь капралом военной логистики. Между прочем, это не закрытая информация. Об этом написано в моей книге...

– «Железной поступью!» – подхватил Роджер, – Да, да! Я прочитал ее запоем! Как и все в моей части. Только многого не понял...

Роджер внимательно смотрел на Старика – насколько позволяло чувство почтения и такта. Теперь кое-что начинало проясняться...

– Логистика – основа системы, – произнес Железный Капрал, – Структура, отлаженная, как часовой механизм. Никакого пресловутого человеческого фактора. Только умные машины, планирование и распределение ресурсов, в том числе – и человеческих.

– Основа – не люди, а сухие цифры и статистика, – задумчиво произнес Роджер.

– Именно, – кивнул Старик, – статистика. Впрочем, это уже вне вашей компетенции, как вы удачно уже изволили выразиться. Здесь свои герои. Ну, а вы, друг мой, принимайтесь-ка за новую работу. Это будет неплохой трамплин в вашей карьере...

– Так точно! – выпалил Роджер.

– Постарайся, дружок, – Старик по-отечески похлопал Роджера по плечу, – уж не подведи меня... Эй, дежурный! А ну, заверни-ка капитану бутербродов в дорогу!

Железный Капрал, казалось, едва не прослезился, провожая Роджера до дверей.

– Обещаю оправдать ваше высокое доверие! – браво отчеканил Роджер.

Хотя этот железный Старик, в котором, как ни странно, все еще жило что-то человеческое, в глубине одинокой капральской души, хотел бы, наверное, другого ответа. Возможно – просто слова сыновней привязанности. Кто их поймет, этих великих диктаторов...

Но Роджер был уже далеко: его мысли черными демонами носились в холодном пространстве меж далеких враждебных планет, на одной из которых скрывалась ненавистная ему с некоторых пор живая душа...

7

– Мой, капитан, вы это серьезно?

– У нас, что принято обсуждать приказы?

Лейтенант Аурико смотрел на Роджера выпученными глазами. Роджер старался держать себя в руках. Этот наглый лейтенант своим поведением неприятно напоминал ему его же самого. Надо будет засунуть его в самое месиво предстоящей операции, чтобы неповадно было.

Хотя, говоря по правде, Роджер вполне понимал недоумение подчиненного. Вообще, в последнее время Роджер полюбил озадачивать коллег собственной непредсказуемостью. И это он мог себе позволить: за его спиной зловещей для прочих тенью стоял сам Старик, ревностно следя за реализацией новой доктрины оперативной разведки. «Спровоцированный сепаратизм» как направление деятельности в принципе не вызвал у разведчиков особого недоумения. Все давно ждали подобного поворота в шедшей по накатанной работе.

Удивлял подход к реализации данной задачи со стороны нового руководства в лице молодого капитана оперативной разведки. Старые прожженные волки нелегальной и диверсионной работы не могли взять в толк, какой логикой руководствуется Роджер в поисках очередного объекта для обработки. То есть планеты, потенциально годной для присоединения к Директории.

Приходилось верить, что этот выскочка, пригретый Самим, знает, что делает. Тем более, что подходил он к работе решительно и безо всякого намека на сомнение.

Роджер понимал, что ропот вокруг его проекта не сулит ничего хорошего. Но его это мало волновало. Ведь не будешь объяснять всем и каждому, какие мотивы заставляют его манипулировать громадными материальными и людскими ресурсами тем или иным образом.

Зачем, к примеру, подчиненным знать, что поисковые машины специального вычислительного центра надрываются теперь в неустанной охоте за одним-единственным объектом – нелепым желтым флагом с бубенцами? Все разведывательные, метеорологические, связные и прочие спутники Конфедерации и иных образований, до которых дотянулась невидимая паутина разведки Директории маниакально искали этот кусок тряпки. Только этот флаг имел значение – а вовсе не напряженная творческая работа огромного коллектива аналитиков, тех, кто выискивал бреши в политических и экономических системах чужих миров.

И теперь, когда перед Роджером, наконец, появился вызывающий трепет снимок, его сердце стало биться учащенно, зрачки сузились, а на щеке начала нервно подергиваться мелкая мышца. Как объяснить этому лейтенанту, что все усилия надо бросить именно на ЭТУ планету, откуда равнодушный метеозонд мимоходом выхватил изображение веселого желтого флажка?

Испуганное недоумение этого салаги понятно, как понятен тот вой, что обязательно поднимется в аналитическом отделе. Потому что этот вожделенный артефакт был найден в совершенно, ну просто дико неудобном месте.

А именно – в секторе, занимаемом более, чем независимой и могущественной Корпорацией.

Роджер мысленно восхищался идеей сепаратистов спрятаться под крылышком Корпорации. Еще бы – Корпорация была серьезным образованием, и, как предполагали некоторые – куда более мощным, чем сама полуразложившаяся Конфедерация.

Никогда и никому в правительстве и военном руководстве Директории не пришло бы в голову связываться с этим монстром. Во всяком случае, о подобном Роджер даже не слышал. Корпорация была не просто союзом планет, и даже не мощным политическим образованием. Это была самая настоящая черная дыра на теле Конфедерации, наводящая страх и трепет на правительства и тех, кто ворочал капиталами.

Достоверных сведений о сущности Корпорации вообще ни у кого не было. Но все сходилось на одном простом мнении о ней: там царило полное презрение к общепринятым законам и правилам. Корпорация была чем-то вроде паразита на теле разбросанного по Галактике человечества. Там исчезали и корабли и грузы. Туда проваливались многомиллиардные состояния. Там пропадали люди – независимо от социального статуса и собственного могущества. Корпорация не боялась ни Звездного патруля, ни объединенных сил Конфедерации, ни начинающей задирать нос Директории. Кто-то считал, что это – гигантское логово космических негодяев, пиратов и прочего сброда. Другие утверждали, что там проводят свои темные делишки сильные мира сего (точнее – «сих миров»). Так или иначе – добрый десяток планетных систем оставался белым (или черным) пятном на звездных картах обжитой и привычной всем Галактики.

И надо ж было треклятому клоунскому флагу оказаться именно там!

По идее, Роджер должен был бы испытывать подавленность от нависших над ним перспектив расхлебывания заваренной им же самим каши. Но он, напротив, чувствовал прилив сил и нездоровое возбуждение. Опасность казалась ему смехотворной по сравнению с перспективой снова пересечь свой путь с НЕЙ...

И теперь, отдавая приказание этому лейтенанту, он любовался противоречивыми эмоциями, искажающими лицо подчиненного.

– Значит так, – говорил Роджер, – Резидентуры у нас нам нет. Это просто факт, с которым предстоит считаться. На основательную подготовку времени тоже нет. Поэтому высадку на Минерву произведем в обычном нелегальном режиме...

– Но какой смысл? – недоумевал лейтенант, – Как будет работать механизм «спровоцированного сепаратизма», если наши аналитики ни черта... простите... ничего не знают о планах Корпорации?

– Лейтенант, – мягко, но твердо сказал Роджер, – Ваш дело – готовить оперативную группу. А вопросами провокаций будут заниматься другие люди. Идите и не заставляйте меня терять терпение...

Роджер чувствовал себя, словно на экзамене. Он лез в самое пекло, в жуткую глотку чудовищной Корпорации, и тянул за собой в эту «черную дыру» не только собственный отдел, не только разведку, но и всю Директорию, угрожая той самыми непредсказуемыми последствиями. Он ждал, что в любой момент его одернет железная рука Старика.

Но этого не происходило. Видимо, Железный Капрал знал куда больше самых информированных источников. Или попросту, как всегда, гениально, просчитал возможные последствия.

И отдел продолжал безропотно выполнять волю Роджера, словно марионетки – повиноваться движениям пальцев кукловода.

А Роджеру уже и самому становилось не по себе. Он чувствовал, будто лезет в темный бездонный и скользкий колодец, из которого, возможно, уже не удастся вылезти.

Но там, на дне этого колодца маячил, дразня, как приманка рыбу, желтый флаг со звонкими бубенцами. И, возможно, где-то там, ни о чем не подозревая, была ОНА.

Формально план был вполне внятен и доступен пониманию армейских чиновников. Роджер доказал руководству, что на одной из малоизвестных планет, находящейся под покровительством Корпорации, находится база так называемых «кочующих сепаратистов». Именно Роджер ввел в разведке понятие «экспорта сепаратизма», которое с легкостью и прижилось.

Таким образом, на этой самой Минерве были сконцентрированы силы, способные на активные действия в выгодном для Директории русле. Оставались то, что называют делом техники: убедить эти силы в том, что руководство Минервы намерено отколоться от Корпорации и впоследствии добровольно присоединиться к Директории.

Такой ход событий должен был спровоцировать перманентно находящихся «на взводе» «кочующих сепаратистов» на бунт и захват местной власти. Для тех, кто стоял во главе Корпорации (независимо, кто это был на самом деле) подобная картина выглядела бы, как обыкновенный переворот в череде прочих. В этом случае действия Директории по наведению порядка не вызвали бы, по крайней мере, удивления. Дальше дело было за армией и политиками.

А на первоначальном этапе поработать предстояло аналитикам и отделу «промывки мозгов» или «манипуляторов», как любили сами себя называть эти зловещие яйцеголовые очкарики. Именно им стараниями Роджера готовился неприятный сюрприз в виде уравнения со многими неизвестными...

Роджер глядел в бутафорский иллюминатор шхуны «Осьминог» на далекую пока поверхность Минервы. Шхуна эта явно занималась темными делишками: что было в ее трюмах и зачем она перла на территорию, подконтрольную Корпорации, оставалось неизвестным. В рамках легенды Роджера вникать в такие подробности не было необходимости.

Не так-то просто оказалось найти корабли, достаточно регулярно отправляющиеся в пространство Корпорации. Никто этого особо не афишировал, а проявлять подозрительное любопытство так же не следовало. Тем не менее, помимо диверсионных групп, забрасываемых на капсулах, ряд агентов должен был прибыть на объект сравнительно легально. Конечно же, Роджер поставил себя первым в этом списке.

Он научился держать свои чувства в кулаке, а потому рассматривал эту планету с холодным интересом игрока, знакомящегося с розданными картами.

– Эй, парень, – насмешливым баском произнес шкип, что осматривал перед посадкой не слишком чистое нутро своего судна, – Что ты там пытаешься высмотреть? Планетка-то почти дикая, ничего ты там не увидишь. Я тебя, конечно, не спрашиваю, что ты забыл в этой дыре, но на всякий случай предупреждаю: здесь не любят любопытных.

– Я не любопытный, – пожал плечами Роджер.

Он действительно старался не задавать лишних вопросов на борту этой подозрительной посуды, где вместо положенных пассажирских кресел были нагромождены многочисленные металлические ящики без маркировки, скрепленные цепкими ремнями.

Команда шхуны была немногочисленная, но довольно профессиональная, хотя и чрезмерно угрюмая. Что до пассажиров, то помимо него на Минерву направлялся какой-то осунувшийся доходяга невзрачного вида. Судя по всему, он сопровождал эти самые ящики, что заняли пассажирские места на объединенной жилой палубе шхуны. Роджер сделал осторожную попытку завязать с этим человеком разговор, но на контакт тот не пошел. Зато пару раз к нему подходили техники в потертых летных «комбезах», без тени смущения предлагая «травку» и оружие. Роджер честно сказал, что подумает. А позже сам подзвал к себе смуглого коренастого техника и спросил, что у того имеется из средств самообороны.

– Это ты правильно решил, – одобрительно сказал техник, – Нечего там делать, если у тебя нет хорошего аргумента в спорной ситуации. Могу предложить скорострельный «капрал» с разрывными пулями или импульсный «хорь». Что до меня, то я бы посоветовал старое доброе огнестрельное. Патронов отсыплю по необходимости.

Роджер повертел в руках «капрала». Да, удачно ему подвернулся этот самопровозглашенный дилер. По легенде Роджер был беглым заключенным, что искал надежного укрытия от властей Конфедерации и на борт корабля зашел только с небольшой пачкой мятых купюр. Большую часть из них он и собирался без сожаления отдать за нового многозарядного друга.

Он засунул холодный ствол в холщевые штаны, за пояс, скрыв рукоять мешковатым свитером. И отправился в угол, под вентиляцию. Там он скрутил себе папироску, начинив ее отнюдь не табаком, а мецкальным зельем, предоставленным в качестве бонуса щедрым торговцем.

Роджер сидел на ящике, пуская тонкую струйку ядовитого дыма в решетчатую дыру вытяжки. Взгляд его подернулся легкой поволокой. Он думал о НЕЙ.

...Посадку Роджер даже не заметил. Его буквально выдернули из-под вентиляции и бесцеремонно выставили вон – под новое для него светило планеты Минерва.

Роджер стоял на обгоревшем покрытии летного поля и мутным взглядом оглядывал окрестности. Сзади кряхтел его молчаливый попутчик – с помощью одного из техников он сгружал на бетон свои ящики.

Ничего хорошего окрестности не сулили. От горизонта до горизонта простиралась голая, как лысина, степь, подернутая неприлично редкой растительностью. У края бетонной площади торчало низкое длинное здание, напоминающее большой сарай. Слеплено оно было из стандартных ангарных блоков.

К нему и направился Роджер.

Здание, возможно, выполняло функции диспетчерской и пассажирского терминала, однако признаков этого не подавало. Зато решительно заявляла о себе большая покосившаяся вывеска «Бар» над стеклянной, но почему-то замазанной известкой дверью. В эту дверь безо всяких колебаний и вошел Роджер.

Вопреки ожиданиям, бар оказался довольно чистым, хоть и несколько замшелым и пустым. Роджер неторопливо направился к стойке.

Визит оперативника в любой бар на любой планете в конечном итоге имел одну-единственную сверхзадачу: напоить аборигена и вытащить из того как можно больше информации. Пока об этой планете Роджер имел лишь обрывочные сведения, скорее даже не сведения, а набор слухов. Знал он, что живет планетка в основном за счет торговли наркотиками, сырье для которых обильно произрастает здесь в экваториальной зоне. Вроде бы еще здесь массово производят фальшивое спиртное. В этом, возможно предстояло сейчас убедиться.

– Тикилы и поесть чего-нибудь, – бросил Роджер, залезая на привинченный к полу табурет.

Бармен, который был здесь человеком, а вовсе не автоматом – большая редкость на бедных планетах – молча кивнул.

Роджер осмотрелся. Большинство столиков пустовало. Лишь за одним сидел какой-то обрюзгший тип неопределенного возраста, с отвращением пялящейся в стоящий перед ним стакан. Роджер взял принесенную тарелку с каким-то горячим блюдом и стакан с тикилой, с неприятным впечатком жирного пальца. И, пройдя через зал, подсел к незнакомцу.

– Не против? – довольно нагло буркнул он. Как и подобает уголовнику, старающемуся выглядеть приличным гражданином.

– А если бы я возражал – что бы изменилось? – голосом сонного зомби сказал своему стакану незнакомец.

– И то верно, – согласился Роджер и, вальяжно развалившись на металлическом стуле, закурил.

Некоторое время помолчали. Так требовали психологические правила вербовки. Роджер поковырялся вилкой в своей тарелке и нашел местную кухню сносной, хоть и слишком острой. Тикила же и впрямь оказалась гнусной подделкой.

– Что пьете? – бестактно поинтересовался Роджер.

– Ее, родимую, – отозвался тип и умело опрокинул стакан в глотку, – Ох и мерзость...

– Хотите еще? – спросил Роджер, – Я угощаю...

– Не возражаю, – быстро ответил тип, не дожидаясь, пока его собеседник закончит фразу.

Бармен принес еще пару стаканов местного пойла. Оба Роджер спойл незнакомцу, лицо которого при этом парадоксальным образом посвежело и налилось румянцем.

– А как тут у вас – есть чем заняться приличному человеку? – как бы невзначай, поинтересовался Роджер.

Незнакомец фыркнул:

– Это смотря, насколько приличному. А заняться всегда есть чем. Например, сиди здесь в баре и пей себе горькую. Вот самое интересное занятие, которое можно найти на этой вонючей планете...

– Ну, а если так, чтобы денег заработать? – продолжил Роджер.

– А, в этом смысле...

Тип почесал в затылке, затем поскреб плохо выбритую шею и сказал:

– Нет, ну почему же... Можно и заработать. Это смотря, что ты умеешь. Можно, вон, на плантацию податься. Не пахарем, конечно – какой из тебя пахарь. Но, может, надсмотрщиком. Ты, вроде, парень ушлый. Или на химзавод. Зелье фасовать...

– Нет, завод – это не по мне, – скривился Роджер. – Я вольный стрелок по натуре...

– А, стрелок! – подмигнул тип, – Ну, если стрелок – это тебе к сепаратам. Они, говорят, кого только к себе не принимают. Только вот, как насчет заработать у них – не знаю...

Роджер прищурился. Разговор сам собой перетек в нужное русло. Надо было вытащить из этого человека как можно больше информации о местной базе сепаратистов. Пока известно было лишь то, что находится она отсюда где-то в пяти тысячах километрах. А туда предстояло еще добраться каким-то образом.

Поставив разговорчивому незнакомцу еще парочку суррогата, Роджер выяснил, что в направлении грязного Гарденвилля – места дислокации базы – летает отсюда дряхлый, как мир, транспортный самолет. И ближайший ожидается не далее, чем через два дня. А остановиться можно прямо здесь – в вонючей гостинице при этом вонючем баре... А если не хватит денег на ночлег или перелет, то проблем с кредитом не станет: братья Гарсиа с удовольствием раздают кредиты всем подряд. Под залог внутренних органов, разумеется...

Два дня Роджер провел в оцепенении, лежа на скрипучей кровати в отведенной ему комнате, продумывая возможные варианты развития событий и стараясь не думать о ней.

Об Агнесе.

Он думал о том, как в двадцати точках по всей планете высаживаются оперативные группы, расползаясь по населенным пунктам и жадно впитывая информацию. Яйцеголовые очкарики уже контролируют все внешние информационные потоки, так что утечки информации быть не должно. В единственный на планете крупный город – уродливый мегаполис, расползшийся по побережью теплого полупресного океана – уже проникла быстрорастущая грибка резидентуры.

Но столица его интересовала мало.

Агнесса была в другой стороне.

Должна была быть...

...На третий день, прямо с утра Роджер обосновался в баре. Он медленно потягивал какой-то коктейль, ожидая прилета транспортника из Гарденвилля. Неожиданно в пустом зале сталолюдно: сюда пожаловала довольно большая компания крепких ребят, вид которых заставил Роджера напрячься: они не были похожи на служащих космопорта или рабочих с местного завода. Когда посетители расселись за столиками и у стойки, Роджер понял: ему просто перекрыли пути к отступлению.

За столик напротив Роджера без излишних церемоний легко уселся худошавый парень с бородкой-испаньолкой и ухоженными баками. На нем была яркая шелковая рубашка и жилет со множеством объемных карманов, набитых отнюдь не конфетами.

Роджер незаметно под столом коснулся рукоятки пистолета.

– Не стоит хвататься за пушку приятель, – белозубо улыбнулся парень, – Тем более, что толку от нее мало. Видишь ли – патроны в ней слегка испорченные.

– А тебе откуда это известно? – довольно равнодушно поинтересовался Роджер, кладя руки на стол.

– Мне многое известно из того, что творится на этой планете, и особенно – в этом районе, – хмыкнул парень. – Мне даже известно, что никакой ты не беглый...

Роджер глянул в черные глаза незнакомца. В них искрилась насмешка. Но очень хорошо подошла бы этим глазам безжалостная ярость.

– Что же тебе еще известно? – равнодушно глядя в сторону, спросил Роджер.

Похоже было, что на самом взлете операции возникли непонятные осложнения. Повода для паники пока не было, но в мозгу Роджера, казалось, застрекотали шестеренки, приводя в движения листочки огромной картотеки с планами, схемами, возможными вариантами развития событий, связями и жестокими приемами самообороны.

– Я знаю, что ты – человек Директории, – усмехнувшись, сказал парень. – И жив до сих пор ты только потому, что твои планы отчасти совпадают с интересами очень важных людей...

Роджер скосил взгляд на незнакомца. Все свои силы он направил на то, чтобы не покраснеть, как опозоренная курсистка.

Это же надо – сверхсекретная операция с ходу раскрыта какими-то бродягами, одетыми в стиле «сафари»! Если бы он слишком серьезно относился к собственной карьере – пора было бы выпустить себе пулю в лоб. Из не стреляющего пистолета. М-да...

– Важные люди, надо полагать, – руководство Корпорации? – как можно небрежнее поинтересовался Роджер.

– Не твое дело, – отрезал парень. – Значит, слушай сюда...

Смуглый бандит говорил смело и громко, словно был абсолютно уверен в отсутствии в этом гнусном баре подслушивающей аппаратуры и доносчиков среди своих приятелей. Видимо, на них он мог положиться куда больше, чем капитан оперативной разведки Роджер – на собственных людей. Это несколько удручало.

– Слушай внимательно, – повторил парень. – Мне поручено передать тебе следующее: продолжай действовать так, как и было задумано. Никто мешать вам не будет. Нам самим не нужна ни эта планета, ни сепаратисты на ней. Считайте, что вы пришли вовремя и помогли нам в наведении порядка. Но это будет единственная планета, которую Корпорация отдаст Директории. Причем – безо всяких особых условий. Есть только одно «но»: больше не смейте соваться в наши дела. Или ваша шустрая экспансия захлебнется кровью. Передай это, кому сочтешь нужным...

Парень встал так же неожиданно, как и подсел за столик. Вся компания быстро исчезла за измазанной известкой дверью под шум двигателей садящегося в прямой видимости – через окно – транспортного самолета.

Роджер чувствовал себя идиотом. И не просто идиотом – а идиотом обманутым. Подставленным кем-то в некой непонятной ему игре.

Он сидел, глядя на вырливающий под погрузку самолет, и пытался разобраться в собственных мыслях и ощущениях.

Тщетно. В голове была полнейшая каша.

Однако он знал самое верное средство для преодоления любых сомнений: продолжать действовать по плану. Во всяком случае, теперь он будет крайне осторожен...

8

...Транспортник плюхнулся на собранную из перфорированных металлических плит полосу и со скрежетом остановился у окраины небольшого городка. По утверждению пилота это и был искомый Гарденвилль. Из маленького иллюминатора в толстом брюхе самолета ничто не выдавало расположение лагеря сепаратистов. Однако с первых же шагов по территории маленького аэродрома, Роджер понял, что попал туда, куда нужно.

На окраине ржавой металлической «рулежки» тремя рядами возвышались массивные бесформенные бугры, покрытые камуфляжной сеткой с отражающим эффектом. По растворяющимся на фоне неба силуэтам нетрудно было догадаться, что это – орбитальные истребители класса «вулкан» – надежная защита рубежей планетной системы.

За территорией аэродрома, в степи виднелись скопления таким же образом замаскированной техники. Даже с первого взгляда напрашивался вывод: ударом «в лоб» взять планету будет непросто...

...Его задержали, на выходе с аэродрома, у массивного полосатого шлагбаума. Роджер был готов к любому повороту событий, но его быстро отпустили, предварительно тщательно обыскав. Видимо, таких бродяг в этом мирке было предостаточно, чтобы возиться с каждым по отдельности. Роджер порадовался, что свой пистолет он за бесценку продал пилоту доставившего его сюда транспортника.

Он входил в город, совершенно не глядя по сторонам, словно ничего его и не интересовало здесь. Ничего – кроме этого желтого флага, что развивался на длинной радиомачте над невысокими облезлыми домами забытого богом городка.

...Он нашел ее на второй день. Она выходила из трехэтажного особняка, в котором, как теперь знал Роджер, находился штаб сепаратистов.

Он смотрел на нее, остолбенев и потеряв всякое критическое отношение к действительности, несомненно вызвав бы подозрения, если бы в этом городе серьезнее относились к безопасности. Она прошла в отдалении, конечно же, не заметив его, живая, желанная, облаченная в зеленую трофейную униформу Директории устаревшего образца.

Через вновь созданные оперативниками каналы он выяснил про нее все.

Она работала при штабе – гражданским референтом. Судя по всему, кто-то из значительных лиц в движении сепаратистов покровительствовал ей (в памяти то и дело всплывало не очень четкое лицо толстяка из проклятого балагана). Жила она неподалеку, снимая квартиру в доходном доме какого-то местного воротилы.

Роджеру стоило невероятных усилий сдержаться и появиться перед ней раньше намеченного срока. Потому что это грозило срывом всей операции. Да и плану жестокой мести, задуманной им. Роджер выходил в степь и часами сидел неподвижно, стараясь не думать о НЕЙ и о предстоящих на этой планете черных днях и ночах.

Между тем операция шла по плану. У соседней звезды тайно сосредоточилась ударная группировка регулярных сил Директории. А в столице быстро росло напряжение, умело направляемое зловещными очкариками.

Но главным для Роджера было не это.

...Его люди появились в назначенный час, в сумерки. Десяток проверенных ребят, которых в разведке, конечно же никто не знал и не мог знать. Потому что эта операция была его личной. Собственной операцией Роджера.

– Здорово ребята! – тихо сказал Роджер темным силуэтам. – Как добрались?

– Нормально, командир, без эксцессов, – спокойно ответил хрипловатый голос. – Все в порядке, ждем только отмашки.

– Отлично. Тогда от вас требуется окопаться и выждать до моей команды. Думаю, ждать придется около недели. Потерпите?

– Как скажешь, командир. Как раз облегчим сухпайки до минимума.

– Договорились. Тогда растворяйтесь и ждите сигнала...

...Даже сам Роджер не ожидал такого эффекта от работы «манипуляторов». Когда все силы были собраны в единый кулак, один из «промывальщиков мозгов» легким движением запустил механизм «спровоцированного сепаратизма» на максимум.

Столица взвыла от негодования и ненависти. В один миг население целой планеты почувствовало себя голым и беззащитным под нависшим над ним страшным железным крылом Директории. Машина пропаганды работала, как часы, запустив щупальца, в том числе, в разношерстные ряды сепаратистов.

Силы сепаратов среагировали немедленно и совершенно предсказуемо, словно мышца в лаборатории, что неизменно сокращается под воздействием электрического тока. На столицу двинулись войска, и власть, будто сама того только и ждала, изящно ахнув, бессильно рухнула на руки недоумевающим бунтовщикам.

Они еще не успели толком сообразить, что, собственно произошло, и что же дальше делать с этой властью, как по всем информационным каналам Конфедерации пронеслась весть об очередном государственном перевороте, усмирять который, как обычно, вызвалась сердобольная и неутомимая Директория.

Когда до новых правителей планеты дошла простая мысль о том, что их банально подставили, сопротивляться было практически бесполезно: диверсионные группы оперативной разведки уже перерезали коммуникации и сделали невозможной полноценную противокосмическую оборону.

Директория готовила свои силы к высадке. На орбите Минервы вспучились из небытия десантные корабли директории под прикрытием тяжелых ударных кораблей. Всего несколько истребителей сепаратистов смогли подняться в небо, и вред они причинили незначительный.

...А тем временем Роджер занимался реализацией собственных планов. Среди полуночного хаоса, царившего в ошестинившемся оружием главном лагере сепаратистов окрест маленького городка Гарденвилль, в самом его центре, словно из под земли возникло около десятка едва различимых теней, до которых, впрочем, никому не было дела.

Тени окружили здание штаба и, казалось, прошли сквозь стены. Уже внутри стало видно, что это вовсе не привидения, а хорошо экипированный отряд диверсантов. Те, кто успел это понять, немедленно распрощались с жизнью, получив бесшумную пулю аккурат в голову. Диверсанты действовали быстро, слаженно и совершенно безжалостно.

Кольцо тихих убийц быстро поднялось до верхнего, третьего этажа и сузилось до размеров одного кабинета. Еще десять минут назад здесь проходило экстренное заседание штаба «кочующих сепаратистов», или, как они сами себя называли – «эмиссаров свободы».

Теперь же во главе длинного, заваленного бумагами стола, водрузив на него ноги в грязных ботинках, сидел человек в затасканном свитере и холщевых штанах.

Это был Роджер собственной персоной.

Прямо перед ним, на столе, сложенный аккуратным четырехугольником, лежал некогда гордый желтый флаг с блестящими бубенцами.

На него в ужасе смотрели уцелевшие сотрудники штаба, что сидели за столом под столами реющих за их спинами расплывчатых силуэтов.

– Ну, что, господа сепаратисты, допрыгались? – ехидно поинтересовался Роджер. – Наверное, это очень здорово – расстреливать в упор безоружных солдат Директории. Но видите ли, тут возникло некоторое противоречие: какими бы нехорошими словами вы не покрывали бригаду «Лос-Командорс» – никогда в безоружных ее солдаты не стреляли. Мне кажется, сейчас мы разрешим это противоречие...

– Вранье! – презрительно воскликнул кто-то, и даже попытался вскочить.

Но раздался бледный хлопок, и обмякшее тело осело на пол. Словно не обратив на этот инцидент внимания, Роджер продолжил:

– Так вот, я давно мучаюсь вопросом – как ж вам удалось так быстро и неожиданно уложить восемьсот высококлассных бойцов? В чем был подвох, а? Никто не желает поделиться со мной информацией? Возможно, за это я сохраню ему жизнь...

Тягостное молчание было нарушено со стороны двери:

– Вот они, командир!

На середину комнаты вытолкнули толстяка в штатском и девушку.

Роджер вскочил, мгновенно забыв все свои, ничего не стоящие, вопросы.

– Агнесса... – прошептал он.

Девушка подняла на него взгляд. Роджер так и не успел понять, что имнно было в этом взгляде – радость или ненависть – глаза ее были наполнены слезами.

– Эгих двоих – за мной, – дрогнувшим голосом приказал Роджер.

Он подхватил со стола сложенный флаг и, стараясь не смотреть на Агнессу, выскочил из кабинета. Вслед за ним, подталкивая стволами в спины, быстро повели двоих пленников. За их спинами, в оставленном кабинете раздалась быстрая череда хлопков и пара тихих вскриков...

...Диверсионная капсула вмещала всего пять человек. Ими стали Роджер с двумя солдатами и оба пленника.

Теснота капсулы компенсировалась необычайной маневренностью и скрытностью. И теперь они незаметно висели в вакууме на высокой орбите – гораздо дальше от поверхности Минервы, чем все ударные силы Директории. Планета на экран казалась совсем маленькой и ничего не значащей в бесконечной черноте космоса.

– Ну, что же, теперь у нас есть время поговорить, – устало сказал Роджер. – Эту девушку я знаю. А кто вы такой?

Последние слова он обратил к толстяку.

Тот выглядел совершенно растерянным. Совершенно ничего не выдавало в нем фанатичного убийцу солдат вражеской армии. Он выглядел просто запуганным обывателем – и не более того.

– Не троньте его, – всхлипнула Агнесса, – Он никому не причинял вреда... Это мой дядя... Просто он сопровождал нас... Так получилось. Это был его цирк...

– Замечательный цирк, – кивнул Роджер. – Жаль, что я не видел представления...

Роджер смотрел не Агнессу и не мог разобраться в своих чувствах. Ненависть куда-то испарилась. Еще немного – и он сломает все, что таким трудом было выстроено...

– Помнишь, Агнесса, ты обещала меня убить, – тихо сказал Роджер. – Скажи честно – осталось ли тебя это желание?

Агнесса не ответила. Она молча смотрела на Роджера, и ее взгляд выворачивал ему душу.

Солдаты деликатно смотрели по сторонам. Толстяк продолжал трястись от страха.

Роджер почувствовал что его начинает душить какая-то темная сила, сидящая в нем самом. И, чтобы не дать этой силе овладеть его волей, он решил не тянуть с задуманным.

– Агнесса... – произнес он, и его голос внезапно осип и сорвался. – Я не говорил тебе этого. Ты мне дороже всего на свете. Ты просто не можешь представить себе ту цену, которую я готов заплатить за то, чтобы быть с тобой...

– Убийца... – прошептала Агнесса.

– Да, – бесцветно ответил Роджер, – И мне придется заплатить всю эту цену прямо сейчас. Потому, что я не смогу больше искать тебя по Вселенной. Наверное, ты возненавидишь меня. А, может, и поймешь...

Роджера вдруг начал душить кашель, словно кто-то неведомый хотел помешать тем словам, которые должны были сорваться с его уст:

– Ваше движение, все эти «эмиссары свободы», давно перестали быть настоящими революционерами и борцами за свободу. Поверь мне, человеку, которому сейчас, наверное, известно столько, что хватит на тысячу лет кошмарных снов. И сейчас вас подставили вовсе не агенты Директории, как вы почти верно догадались. Нет, подставили вас собственные покровители, по сути заманившие вас на эту планету.

Вы стали обыкновенной приманкой. Материалом для политических и бандитских интриг. Я вот думал: почему Корпорация так легко сдала вас вместе с целой планетой в лапы Директории? Что за странный и нелепый шаг?

А все оказалось просто. Просто и мерзко.

Это сделка. Кто-то за моей спиной просто купил эту планету. Зачем? Это же очевидно: Минерва – крупнейший производитель всех видов наркотиков, имеет налаженную промышленность по их переработке и широчайшую сеть сбыта. И какие-то чины в армейском руководстве хотят взять все это под свое теплое крылышко! Правда мило?

А я удивлялся – почему это моя операция проходит так успешно? Неужели я – гений? Оказалось – не гений. Я просто осел, на котором едет какой-то хорошо просчитавший все ходы умник...

– Зачем ты все это рассказываешь? – хриловатым голосом спросила Агнесса. Она уже перестала плакать и смотрела на Роджера странным, почти не мигающим взглядом.

– Потому, что никому больше я не могу рассказать этого, – горько ответил Роджер, – Потому, что уже давно я могу говорить по душам только с фотографией убитых вами друзей...

Роджер помрачнел. И достал из-за пазухи нечто, напоминающее толстую рукоятку от пистолета с одной единственной красной кнопкой.

– Забавная штука, – усмехнулся он, – Спецразработка. Жаль, что применить ее удастся всего один раз. Когда я нажму на эту кнопку, ударные корабли, неожиданно для своих экипажей одновременно выплеснут на планету всю мощь своего оружия. И никакого десанта не потребуется. Зачем нужен десант на мертвый радиоактивный шар?

– Нет!!! – завизжала Агнесса и бросилась на Роджера. – Ты не сделаешь этого!

Солдаты цепко схватили бессильно скулящую Агнессу и прижали к мягкому покрытию стенки капсулы.

– Почувствуй то, что пережил я, тогда, на Сахарной Голове, – сипло выпалил Роджер. – Попрощайся со своими друзьями. Надеюсь, у тебя есть их фотографии?

Лицо его исказила гримаса безумия. Большим пальцем он откинул полоску предохранителя на своем устройстве и коснулся пальцем кнопки.

– Энрико, не надо... – бессильно всхлипнула Агнесса.

– Энрико убили, – мертвым голосом ответил Роджер и вдавил кнопку.

Пятеро пассажиров капсулы округлившимися глазами смотрели на панорамный экран, дававший вид на планету.

Вроде бы и не произошло ничего. Только засверкали по синеватой поверхности мелкие-мелкие искорки, веселые, словно огоньки новогодней елки.

А после, в одно мгновение, планета поменяла цвет. Из бледно-синей, намекающей на присутствие кислорода и воды, она превратилась в друг в бурую. Словно картошка, запеченная на углях.

Никто не произнес больше ни слова.

Толстяк втянул голову в плечи, и уставился в пол. Солдаты делали вид, что осматривают оружие. Агнесса сидела на полу капсулы, обхватив голову руками.

И только Роджер продолжал смотреть на жутко изменившуюся планету, словно загипнотизированный этой волшебной переменной...

...Вскоре пискнул динамик, и робот доложил о стыковке.

Дверца с шипением выскочила из пазов и с лязгом грохнулась на решетчатый пол.

У дверей стояли двое бородатых мужиков самого угрюмого вида.

– Принимай пассажиров, – стараясь говорить бодрее, произнес Роджер.

Солдаты вытолкали пленников на территорию чужого корабля.

Здесь было не намного просторнее, чем в капсуле. До потолка громоздились ящики и штабеля пластиковых мешков. Роджер не был уверен в надежности этих бородачей с темным прошлым и еще более темным будущим, но другого плана у него не было.

– Доставите их туда, куда было сказано. Вот вторая половина денег... – Роджер сунул одному из мужиков увесистый сверток.

– Как договорились, – пожал плечами мужик, – Все сделаем. Слышали, что с Минервой произошло? Только что по радио передали...

– Да, – коротко ответил Роджер. – Слышали.

– Есть ведь бог на свете, – сказал бородач, – Мы только вчера оттуда...

– Мои поздравления, – сказал Роджер.

Он подошел к Агнессе, взял ее за безвольные руки и вложил в них свернутый флаг. Агнесса смотрела на этот кусок материи, будто не понимая, что держит в руках. Видимо, шок еще не прошел.

– Возьми на память, – сказал Роджер, – Где бы я ни был, я всегда буду помнить о тебе. Я больше никогда не причиню тебе ничего плохого.

Агнесса подняла на него взгляд покрасневших глаз. Теперь в этих глазах отчетливо читалось, то, что никак не мог понять Роджер.

Презрение.

Это было страшно. Роджеру казалось, что весь мир рушится, как та, убитая им планета.

Он так хотел улететь вместе с ней. Объяснить, рассказать обо всем, что творилось у него на душе, вымолить у нее прощение. Но он не мог. Сейчас он чувствовал себя всего лишь бездушным автоматом, которому осталось всего лишь выполнять заложенную в него программу. Автоматом, который можно только презирать. Он не заслуживает большего...

...Капсулу выплонуло обратно в космос. Она неспешно кувыркалась, а в фальшивом электронном иллюминаторе мелькал обшарпанный борт контрабандистской шхуны. Секунда – и она растворилась в глубинах пространства.

Роджер остался наедине с двумя солдатами. Некоторое время молчали. Наконец, один из них нерешительно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.